

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГНОМ

ГНОМ
Цивилизation

«Accent Graphics communications»

2016

Гном

Цивилизация / Гном — «Accent Graphics communications», 2016

Простой клерк неожиданно проваливается в Крым, в то далекое время, когда по полуострову еще ходили мамонты. Освоившись в ближайшем племени, парень обеспечивает себя минимальными удобствами, а после не находит ничего лучше, чем предложить доисторическому населению прогрессивное развитие. Но так ли много может современный образованный человек? И несет ли прогресс истинное счастье? Легкий, ироничный и увлекательный роман о человеческих слабостях, пороках и, конечно же, об упомянутом счастье.

© Гном, 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Гном Цивилизация

Часть первая «Гном»

Глава 1

Ковш экскаватора в третий раз тяжело клюнул каменную плиту, отщепив, наконец, грязный осколок. Вниз, кувyrкаясь, полетел полутонный кусок скалы, обнажив за собой темную пустоту. Начсмены лениво проводил взглядом скатившуюся глыбу и вдруг замахал руками, стараясь перекричать шум двигателя.

– Стой! Тормози!

Рокот, булькая, стал стихать. Огромный дизель остановился.

– Стой, говорю, – по инерции, казалось, уже в полной тишине произнес он.

Экскаваторщик, любопытствуя, вылез из кабины по пояс.

– Чего там, Дмитрич?

– Да погоди ты!

Дмитрич с осторожностью канатоходца, стараясь не поскользнуться на грязной земле, спустился на пару метров в карьер и заглянул в образовавшуюся каверну.

– Твою дивизию... – тихо прошептал он и полез обратно.

– Да что там, ты можешь сказать?

– Молодец, выходной заработал, – безрадостно буркнул Дмитрич, набирая полицию.

* * *

– Гена, признайся, ты позвал меня в свой кабинет, чтобы разыграть, да?

– Нет, Миша, все очень даже серьезно, – академик РАН Геннадий Андреевич печально смотрел на своего коллегу. – Никаких шуток.

– Послушай: может, он сам их туда подложил? Или кто-то из рабочих?

– Рабочие клянутся, что ничего не трогали. Власти с милицией тоже. Да и Харченко не похож на шутника. Когда я с ним виделся, он был удивлен не меньше твоего.

– Удивлен?! Я не просто удивлен! – Михаил Александрович даже позволил себе ненадолго повысить голос. – Я просто отказываюсь это понять. Глубина пять метров – то есть не менее двадцати тысяч лет. Ты говоришь, труп был забальзамирован?

– Похоже, что так. Сохранился прекрасно. И монеты лежали рядом с головой. Каждого номинала по штуке. В ряд, по порядку возрастания. – Гена поднялся и налил себе еще один стакан воды.

Михаил хаотично курсировал по кабинету, не выпуская полученные снимки из рук. Ноги, обутые в стоптанные, словно у пилигрима, сандалии, носили академика по сложно описываемым траекториям. Одаренная седая голова лихорадочно искала объяснение. Неожиданно ученый остановился, и лицо его озарила улыбка.

– Знаешь, это все ерунда. Ты понимаешь, что такой порядок придумали меньше пятисот лет назад? Не могло существовать монет достоинством 1, 5, 10, 50 и 100 не то что пять, а даже тысячу лет назад. Харченко нас дурачит.

Михаил Александрович, которому шел седьмой десяток, ждал, что сейчас его друг и коллега сменит выражение лица, хлопнет старого приятеля по плечу и, наконец, признается. Но вместо этого пасмурное лицо пожилого академика сделалось еще более угрюмым.

– Харченко послал две монеты в Принстон и Париж на элементный и изотопный анализ. Вряд ли он сошел с ума настолько, чтобы так шутить со всем миром. Наши в РАН тоже делают радиоуглеродное исследование, чтобы понять возраст мумии. Все это очень, очень, очень странно, – Геннадий сделал паузу и добавил еще раз. – Очень.

Мужчины замолчали. Михаил вертел в руках фотографию мумии, у изголовья которой, как разобранная матрешка, лежали пять монет. Через минуту он нарушил звенящую тишину.

– Ты помнишь, в восемьдесят втором Юрка Мочанов тоже нашел в Диринге стоянку с каменными инструментами, которой три миллиона лет? И что? Сначала не поверили, потом проверили, убедились, но сильно не афишировали. Сейчас уже почти забыли. К чему историю переписывать?

– Юра нашел подтверждение того, что там были древние племена. Да, он отодвинул время появления человека. Сенсация. Но объяснимая! Здесь же – невероятно развитая культура, цивилизация!

– Ну, хорошо, а Адамов болт из Калуги, которому триста миллионов лет? Или окаменелый след ботинка, наступившего на трилобита? – Михаил пытался найти объяснение не столько для собеседника, сколько для самого себя. – Это ведь тоже неопровержимые доказательства развитых культур задолго до каменного века. И мир с ними как-то живет. Возьми хотя бы камни Ики. Примеров полно.

– Миша, ты пойми: болт, камни, геоглифы Наска, Тисульская принцесса и все прочее можно объяснить очень просто, – Геннадий привстал и потянулся за граненым стаканом. Его сморщенные пальцы нервно дрожали. – Пусть невероятно, но просто. Были инопланетяне, была погибшая цивилизация. Но тут...

Еще одна пустая бутылка из-под минеральной воды отправилась под стол. Геннадий, держа пузырящийся стакан, подошел к окну. Снегоуборочные жуки скребли Лужнецкую эстакаду. За ними с похоронным унынием крались сотни автолюбителей. По ту сторону окна текла жизнь, не имеющая отношения к вопросам вечности.

– Что тут?

– Тут... Тут на монетах арабские цифры. Индусы придумали их вместе с нулем всего полторы тысячи лет назад. А в современном виде они появились вообще во втором тысячелетии нашей эры.

Геннадий Андреевич вернулся за пропахший советской наукой стол и бессильно опустился в кресло.

На этот раз молчание длилось еще дольше. Как будто сквозь пелену раздался сиплый голос Михаила:

– Если все так, как ты говоришь, то скоро мы выпустим новость: при постройке гостиницы в Крыму нашли мумию с приданным в виде монет, на которых арабскими цифрами написан номинал. Мумию возрастом двадцать тысяч лет. Полный атас!..

– Пятьдесят.

– Что?

– Пятьдесят тысяч лет. Полчаса назад прислали из Франции первые результаты по монете.

* * *

Я понимал, что море бесплатного пива вредно для здоровья, но остановиться было невозможно. Биржа устроила помпезный корпоратив в баварском стиле, позвав нас в качестве почетных клиентов. Наш столик стоял ближе других к разложенным парадными рядами мини-закускам и всего в пяти шагах от взмыленного бармена. Такое стратегически выгодное положение подталкивало нас со студенческим рвением уничтожать халяву. Рядом со мной сидел Седой, бывший ВДВшник, бывший коммерсант, бывший юрист и мой бывший начальник по банковской работе. На пиво Седой налегал с азартом только что вышедшего на свободу зэка, но у него была слоновья фора по массе, и потому, в отличие от меня, выглядел он еще вполне сносно.

– Ты ничего не понимаешь, Гном, правда, – он плевал мне в ухо, стараясь перекрыть музыку. – У тебя взгляд на макроэкономику, как у моей бабули: «Главное, чтобы картошка уродилась...»

Гном – это я. И это унижительное прозвище появилось именно с легкой руки Седого, обзовавшего меня так в коридоре банка в первый же день моей там работы. Потом он извинится, мы подружимся, заработаем на бирже кучу денег и еще большую кучу потеряем. Но это будет уже совсем другая история. А сейчас мы уже полчаса дискутировали с ним о бедах России, надвигающемся экономическом кризисе и путях выхода из него. Однако истина рождаться не торопилась. Даже наоборот – ситуация только усугублялась. Спору не было конца.

– Что ты знаешь о денежной массе? Нет, ну что? – не унимался он. – Вот сейчас приватизацию надо делать или национализацию? Ну, скажи! А откуда берется инфляция, ты понимаешь?

– Да ну тебя, – мне уже порядком надоел этот бесполезный разговор. Где-то сквозь алкогольную пелену я понимал, что результатов его не будет помнить ни один из нас. Поэтому я просто засунул нос в гигантскую кружку нефilterованного и сделал большой глоток. Когда я вынырнул из пшеничной пены, Седой тряс перед моим лицом зажигалкой «Зиппо» с эмблемой ВДВ и, пользуясь тишиной, возникшей в паузе между выступлениями, страстно вопрошал:

– Вот за сколько ты ее купишь? Какая ее справедливая цена, а?

Я молча забрал у него зажигалку и положил в карман.

– На-до-ел.

Седой посмотрел на меня искоса, как Хазанов, пародирующий попугая.

– Ты, Гном, как не познавший основ марксизма, не можешь претендовать на звание сколь-нибудь компетентного экономиста. Я прекращаю с тобой дебаты. Пойдем.

– Домой?

– Какой домой! Что ты дома не видел?

– Я б поспать...

– Пойдем, дружище. Длину жизни ты увеличить не можешь. Зато можешь ширину и глубину. Это мне бабуля говорила. Пойдем. Я покажу тебе Москву.

Мы оделись и, шатаясь, вышли на морозный воздух. Из фонаря пшеничной крупой сыпался снег. Седой огляделся и заплетающимся языком старательно выговорил:

– Мы из лесу вышли, был сильный мороз...

Затем, заржав, он обнял меня локтем за шею и потащил в сторону набережной.

Статистика утверждает, что накатанный ноябрьский ледок и для трезвых пешеходов является причиной множества травм, умалчивая о пешеходах нетрезвых, подвыпивших, сильно пьяных и персонажах вроде нас. Последним, что я запомнил, были уплывающая из под ног земля, мелькнувший фонарь, нецензурный крик Седого и тяжелая тишина.

Очнулся я оттого, что нос что-то щекотало. Голова страшно болела. Я постарался приподняться на руках. Странно. Ведь падал на спину. Еще страннее оказалось то, что под ладонями была трава.

Я не понимал, либо я полностью ослеп, либо было так темно, что глаза не видели ни зги. Но руки точно чувствовали траву. А лицо ощущало влажный и теплый воздух.

– Седой, – прохрипел я, – и голос странно разнесся в пространстве, поглощаемый безмолвной тьмой. Вокруг было невероятно тихо.

Я сунул руку в карман пуховика и нащупал что-то тяжелое. Зажигалка Седого. То, что нужно.

Чиркнув пару раз и подняв в руке дрожащее пламя, я вскрикнул, увидев бородатое лицо в полуметре от меня. В ту же секунду тишина со всех сторон сменилась дьявольским воплем. Нервы не выдержали. Я закатил глаза и отключился.

Глава 2

Сквозь приоткрытые веки я увидел голубое утреннее небо. По-прежнему было необычно тепло. Голова гудела от похмелья и удара об лед, а движения давались с большим трудом. Перебивающая боль, я приподнялся и обомлел. Вокруг меня на корточках сидело около тридцати бородатых полуголых мужиков. Точнее сказать, практически голых, поскольку их бедра прикрывали лишь маленькие коричневые шкурки. Заметив, что я очнулся, люди встрепенулись. По кругу прокатились шевеление и легкий ропот, но все остались сидеть на месте.

Я был уверен, что сплю. Хотя все внешние ощущения говорили мне, что происходящее реально, но мозг однозначно утверждал – это сон. Приподнявшись на локтях, я осмотрел окружавших меня людей. На вид – племя туземцев с канала «Дискавери». Диковатые лица с любопытством и нескрываемым страхом рассматривали меня. Все грязные и небритые, у некоторых – бусы с когтями, в руках у большинства – дубины и палки с кремневыми наконечниками. Сидевший прямо передо мной, похоже, был вождь. Рядом с ним лежал топорик, а руки покоились на коленях ладонями вверх. Все выглядело удивительно реально. Приснится же такое...

Я сел, вызвав новую волну ропота у дикарей, и поймал себя на мысли, что в снах обычно не бывает запахов. Но в воздухе отчетливо ощущался аромат сухой травы. – Цага, – вдруг сказал вождь, приподнимая руки с волосатых колен и показывая на лежащую между ним и мной шкуру, на которой были разложены бусы из крупных зубов, нечто, отдаленно напоминающее нож из кремня и какие-то перья, сплетенные с сушеной требухой.

– Цага, – вкрадчиво повторил он, смягчая «г» на украинский манер, практически превращая ее в «х».

Я приподнял руку и понял, что все еще сжимаю в ней зажигалку. Выставив ее вперед и чиркнув колесиком, я вызвал приступ паники как минимум у половины собравшихся. Они отпрянули на несколько метров и остановились, с ужасом глядя, как из моей руки вырывается язычок пламени. Вождь остался сидеть на месте, лишь немного отшатнувшись.

Удивившись магической силе огня, я защелкнул крышку «Зиппо» и спрятал зажигалку обратно в карман.

– Цага, – в третий раз повторил вождь и указал на предметы столь красноречиво, что сомнений не осталось, – это подарок. Я привстал и подошел к шкуре. Видно было, что вождю стоило большого усилия воли остаться сидеть на месте и не удрать.

Нож на удивление хорошо лег в мою руку. Я убрал его в глубокий карман куртки. Затем взял бусы и под пристальные взгляды надел себе на шею. Оставшуюся хреновину даже не стал брать, не рискуя найти ей применение. В благодарность я медленно кивнул.

Вероятно, мои миролюбивые поступки несколько успокоили остальных, и цепь людей вокруг меня восстановилась. Я продолжал разглядывать аборигенов, пытаюсь понять, что же со мной произошло. Если все это – не сон, то оставалась невероятная версия, что Седой, пользуясь моим забытием, вывез меня куда-то на юг и ради шутки оставил с актерами. А может, и с реальными туземцами. Но тогда я нахожусь где-то очень далеко от Родины. Перевезти пьяное тело через границу – задача трудная даже для Седого, поэтому остаются актеры.

Теряясь в догадках, я смотрел на дикарей, а они на меня. Вглядываясь, я старался увидеть хотя бы одну деталь, связывающую их с современным миром. Кольцо на пальце, татуировка, бритая щека... Но не было ничего. А вот нервное поведение молодых членов племени, напряженно-испуганные лица, желтые сточенные зубы, наоборот подталкивали к невероятному чудовищному выводу, что все это не сон. Я машинально проверил телефон, в надежде обнаружить сигнал от вышки. Но мобильник был разряжен со вчерашнего вечера, поэтому

ничего не оставалось, как убрать его во внутренний карман, словно бесполезный черный камень.

Стоять на месте смысла не было. Если меня привезли сюда – значит, где-то рядом цивилизация, актерам надоест шутить уже в ближайший час и вскоре мне покажут, где скрытая камера. Я сжал в кармане зажигалку и двинулся вперед, обходя вождя слева. Племя расторопно расступилось, и я беспрепятственно пошел по полю на запад, судя по разгорающемуся за спиной рассвету.

Отойдя шагов на тридцать, я обернулся. Дикари стояли и смотрели мне вслед не двигаясь и не пытаясь остановить. Я пожал плечами и пошагал дальше.

– Хэф! – раздался громкий крик, заставивший меня снова обернуться.

Вождь стоял и двумя руками указывал в противоположную моему пути сторону, будто призывая следовать за ним.

– Хэф!

Наверное, надо идти, решил я. Происходящее было настолько сюрреалистическим, что уже не пугало меня. В конце концов, эти ребята где-то живут и что-то едят. Главное, чтобы не человечину. А может, к ним в хижины и «Красный Крест» заглядывает.

Я подошел к племени, показал рукой в ту же сторону, что и вождь, и произнес:

– Хэф так хэф. Давай пойдем посмотреть твой хэф, – после чего бодро зашагал навстречу показавшемуся над горизонтом солнцу.

Племя тихо семенило вслед за мной. В трех метрах от меня шел вождь, за ним – крупные мужчины с копьями, затем молодые воины с палками – дубинами и замыкали отряд совсем мальчишки лет десяти – двенадцати. У этих не было даже повязок.

В какой-то момент вождь снова окликнул меня:

– Хэф! – повторил он и показал двумя руками скорректированное направление. Я молча изменил курс и продолжил движение.

Примерно через час пути мы приблизились к невысоким горам. Растительность поредела, появилось больше камней, идти стало заметно тяжелее. Хорошо, что у меня были ботинки на толстой подошве, которые я носил, чтобы казаться выше. А вот мои провожатые топали по камням босиком. Интересно, сколько же им заплатили, чтобы разыграть такой спектакль?

Мы спустились с ровного плато и теперь шли вниз под уклон. Слева начинала расти стена известняковой горы, нависавшая мрачной тенью. Утреннюю тишину нарушал лишь хруст веток под моими ногами. Мужчины в повязках передвигались настолько тихо, что я то и дело оборачивался, чтобы удостовериться, сопровождают ли меня волосатые копыеносцы или уже разбежались, перейдя к следующему этапу программы «Розыгрыш». В какой-то момент мне показалось, что впереди какое-то движение. Я остановился, чтобы приглядеться. Похоже, это был лагерь.

– Хэф, – подтвердил мои догадки вождь.

Еще минута, и стала отчетливо видна пещера, а около нее несколько десятков женщин и детей. Одни что-то делали со шкурами, другие возились с младенцами. Малышня постарше играла. Завидев приближающихся мужчин, женщины вскочили и подались навстречу, но, увидев впереди шествия меня, с криком бросились в глубь пещеры. Версия об актерам постепенно теряла состоятельность.

– Ааато! – истошно гаркнул вождь, и женщины замерли. Дети боязливо попрятались за их ногами, движение мгновенно прекратилось. В наполненной испугом тишине мы вышли на площадку перед пещерой. Стоит отметить, что женщины, несмотря на гораздо более сильное, чем у воинов, эмоциональное потрясение, не смели двинуться с места. Вероятно, слово вождя для них было много выше животного страха.

Так мы стояли минуты три, пока все племя дотошно рассматривало меня. Устав от пристального внимания дикарей, я начал оглядываться по сторонам. Чуть ниже пещеры сгущалась зелень, и было похоже, что там есть вода. Я направился вниз, не обращая внимания на следовавший за мной эскорт из пары дюжин мужчин, и, правда, обнаружил речушку, скорее напоминающую ручей. В месте, расположенном ближе к пещере, русло было расширено, а выкопанная яма образовывала небольшой бассейн, вероятно, предназначенный для купания. Я поднялся чуть выше по течению и напился, жадно набирая воду пригоршнями. Умыв лицо и утолив жажду, я снова почувствовал себя человеком. Похмелье почти отступило, ледяные капельки на лице бодрили, и настроение неожиданно улучшилось. Пора было налаживать контакт.

Вернувшись на площадку перед пещерой, я снова огляделся и понял, что огня у туземцев не было. Следов очага также обнаружить не удалось. Интересно, что же они тут едят?

Вождь, всегда находившийся ближе других ко мне, выжидающе смотрел, не пытаясь начать знакомство первым. Темные волосы этого крепкого воина были завязаны в пучок, лобину лица скрывала короткая, но плотная растительность. Его грудь и плечи покрывала кудлатая шерсть.

Я взял воображаемую ложку и жестами показал, что было бы неплохо чего-нибудь съесть. Но тут же спохватился и изобразил кость, которую грызу, держа двумя руками. Вождь понял намек мгновенно. Несколько отрывистых указаний, и женщина расторопно принесла из пещеры кусок подвявшего мяса весом около килограмма. Она оставила его перед главарем и шустро удалилась. Вождь взял мясо и положил его в нескольких метрах от меня. Любопытно, что расстояние между мной и кем-либо из племени еще ни разу не становилось менее полутора-двух метров.

Мясо было сырым. А я был еще не настолько голоден, чтобы употребить его в подобном виде. К тому же в кармане лежала зажигалка Седого. Пора укрепить статус Бога, – решил я и подошел к сухому дереву, стоявшему на краю площадки. Сняв пуховик и оставшись в синем костюме и галстук, я сломал несколько веток разной толщины и выложил из них шалашик. Племя, притихнув, с интересом наблюдало за мной. Поразительно, что даже младенцы не проронили ни звука. Пришла пора поджигать.

Глупо было упускать момент для небольшого шоу. Я вытянул руку вверх и чиркнул зажигалкой. Пламя крошечным язычком взметнулось над зиппой и, несмотря на светлое время суток, породило новую волну ужаса. Вождь остался стоять на месте не дрогнув, и, возможно, именно его спокойствие предотвратило панику.

Я зажег приготовленные кусочки коры, и пламя начало проворно лизать сухие палки, разгораясь все сильнее.

Полагаю, мало существует зрелищ, способных столь же сильно впечатлить современного человека, сколь ошеломляющим был эффект, производимый на дикарей разгорающимся костром. Наверное, левитация, телепортация и прочие фантастические фокусы не вызовут у нас подобного изумления, так как после изобретения шестого «айфона» с палкой для селфи человечество уже мало чем можно удивить.

Племя заворуженно смотрело, как дрова превращаются в угли, а я тем временем подошел к дереву и попытался отломать пару палок с рогатинами на конце. Если с первой мне это удалось, то со второй возникли проблемы. В этом месте дерево уже не было таким сухим, и ветка не поддавалась. Я переглянулся с вождем и отошел на три метра назад, показав на дерево рукой. Он, на удивление, оказался сообразительным малым. Достав из-за пояса топор, вождь двумя сильными движениями перерубил ветку в том самом месте, где я безуспешно ломал ее минуту назад.

Я показал пальцем на топор и попросил:

– Дай-ка мне, пожалуйста.

Дикарь стоял не шелохнувшись.

Поняв, что слова бессильны, я выразительно ткнул пальцем в топор и протянул руку ладонью вверх. Вождь обиженно снял оружие с пояса и положил перед собой на землю, отступив назад.

Топор был кривой и несуразный: в расщепленное не до конца дерево был вставлен острый кремневый наконечник. Обух был замотан жилами или чем-то на них похожим, а рукоятка пропитана потом и кровью. Сразу видно, что оружие не болталось на поясе без дела. При всей кустарности исполнения, в руке этот топор лежал отменно. Я взял две палки и с помощью инструмента сделал клинышки на их концах, после чего вонзил получившиеся рогаины в землю по бокам от костра. Все-таки удивительно, каким острым может быть ломаный кремль. Топор я положил между собой и вождем и кивнул, говоря «спасибо».

Вождь, довольный, что избежал конфискации, молча, с достоинством взял его и заткнул обратно за пояс.

Прямую сухую ветку я заострил кремневым ножом, весьма кстати обнаруженным в кармане пуховика. Этим же ножом я разделил мясо на два довольно приличных куса и насадил их на шампур. После чего, отодвинув еще горевшие ветки чуть в сторону от рогатин, принялся за приготовление шашлыка.

Уже через пару минут послышался запах жареного, и я почувствовал, как сильно проголодался. Не желая съесть первобытного паразита, я заставил себя не предаваться спешке и прожарить мясо до состояния *well-done*¹. Когда еда была готова, я разломил шампур по почти прогоревшей середине и взял палку с нанизанным на нее куском жареного мяса, как большое эскимо. Второй кусок я аккуратно положил на большой плоский камень и показал на него вождю. Он стоял не двигаясь. Тогда я откусил от своего куса и принялся жевать. Мясо было жесткое, но вполне съедобное. Не хватало лишь соли. Интересно, что это был за зверь? Я повторно указал пальцем на шашлык и сказал:

– Цага.

Это был первый осмысленный диалог с туземцем. Вождь, услышав от меня знакомое слово, просиял, подошел к камню и схватил дымящийся кусок. Стоит признать, что в этот момент меня немало удивили железная выдержка этого мужчины и пиетет перед пришельцем. Вместо того, чтобы бросить пышущее жаром мясо и закричать, он спокойно, насколько позволяла ситуация, положил его обратно на камень и сжал руку в кулак. Я понял, что туземцы никогда не ели горячую пищу. Пришлось демонстративно показать, что эту еду берут за палку, затем несколько раз дуют, и только после этого можно откусывать.

Вождь, смешно брызгая слюнями, дул на мясо с такой силой, что кусок едва не слетел с шампура. Затем он немного откусил и старательно прожевал.

Как минимум, не выплюнул, – довольно покачал головой я, увидев, что дикарь проглотил мою стряпню. Дальнейшее меня весьма удивило. Вождь стал отщипывать кусочки жареного мяса, а воины по очереди подходили пробовать. Мясо получили все, кто был сегодня в поле, включая десятилетних мальчиков, но ни одна женщина не сделала даже попытки подойти к еде. Оставшийся кусок размером с кулак вождь съел сам. К окончанию этой дележки я тоже доел свою порцию и бросил палочку в угли. Обед завершился, и нужно было что-то делать дальше. Я не оставлял надежды найти цивилизацию, поэтому единственное, что пришло мне в голову, – пойти по течению реки в надежде выйти к большой воде или к другим, более развитым поселениям.

Несмотря на то, что температура воздуха была градусов пятнадцать и в костюме мне было не холодно, я накинул пуховик и двинулся вдоль ручья. За мной тут же увязались десяток

---

¹ Хорошая прожарка (англ).

крепких воинов, включая главаря. Молодняк остался на стоянке. Пробираясь по ходу русла сквозь кустарники, я вдруг понял, что до сих пор не знаю, как зовут вождя, и остановился.

Замерло и мое сопровождение. Я подошел к вождю и, ударив себя в грудь кулаком, сказал:

– Юра.

Туземец с интересом смотрел на меня.

– Юра, – повторил я, и вождь сделал робкую попытку скопировать звук. Получилось не очень. Дикари не выговаривали букву «р». К тому же, гласные у них были грубые, поэтому «ю» превратилось во что-то вроде «у», и «Юра» получилось как «Угха».

Я решил зайти с другой стороны.

– Гном, – ударил я себя снова в грудь.

– Гным, – неожиданно четко скопировал вождь.

Ну вот. И здесь, похоже, не отделаться от прозвища.

– Гном, – хлопнул я себя еще раз и показал на вождя. – Ты кто?

Вождь помедлил несколько секунд и внятно повторил:

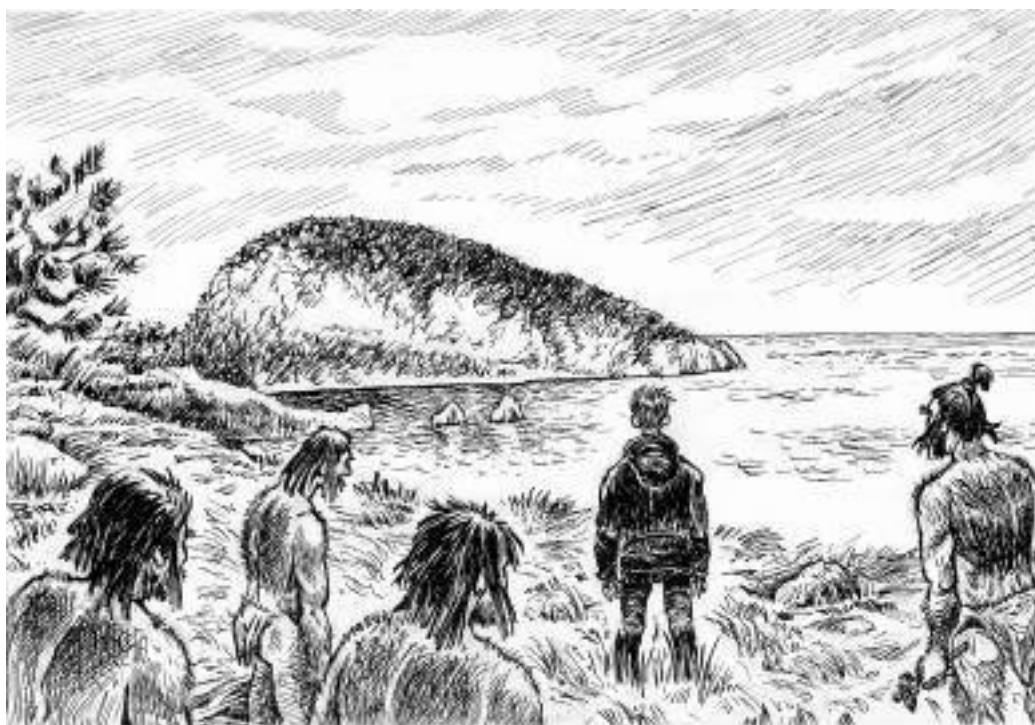
– Тыкто.

Затем он повернулся к воинам и, стукнув себя в грудь, громко прокричал:

– Тыкто!

Судя по всему, я произвел крещение, оказавшись в роли Бога. Ну, хорошо, пусть будет Тыкто. Я еще раз запустил процедуру идентификации, указав на себя, на вождя и произнося наши имена. Тыкто послушно повторил. Ну, вот и познакомились.

Мы продолжали идти вдоль реки. В какой-то момент деревьев стало меньше, и отряд вышел на открытое пространство. Вдали я увидел бескрайнее море, крутые берега и ни одного признака цивилизации. Я вглядывался в береговую линию и неожиданно остановился, словно сраженный молнией. От увиденного колени мои подкосились, и я сел на землю. Сомнений быть не могло. Передо мной были Медведь-гора и «Шалыпинская» скала. Я находился в Крыму. И, судя по окружавшим меня людям во главе с Тыкто, задолго до появления там русских, татар и украинцев.

Глава 3

Вот уже полчаса я сидел и смотрел на Черное море, погружившись в размышления. В том, что это не сон, сомнений уже не было. Не ясно почему, но я оказался в прошлом, в котором люди хотя и имели представление о языке и примитивных орудиях, но еще не видели огня. По крайней мере, такими были мои новые друзья. Я оглянулся назад – туземцы сидели на коленях и смотрели на меня с кристально чистым любопытством, словно непуганные сурикаты.

Надо было возвращаться. Путь сюда занял около трех часов – значит, мы прошли километров десять. До моря осталось, наверное, еще час-полтора ходьбы. А обратно идти часа четыре или пять, все-таки в гору. Хорошо бы поторопиться, чтобы успеть до темноты. Я поднялся и пошел в сторону лагеря.

На обратном пути было время подумать. Нужно понять, как жить дальше, и я напрягал свой аналитический мозг для выработки стратегии. Независимо от того, как я сюда попал, надолго ли и смогу ли перенестись обратно, надо было решать насущные вопросы и строить дальнейшие планы.

– Итак, – бормотал я сам себе под нос, – что мне известно: Я нахожусь в Крыму. Вероятно, зимой, так как трава была уже пожухлая. Для удобства я стал считать, что сейчас 28 ноября 2014 года, как и в Москве. Температура днем – градусов пятнадцать, при этом на солнышке совсем тепло. Ночью будет прохладнее, возможно, ниже нуля, но это не страшно. Одежда у меня зимняя, огонь есть, так что эта проблема не являлась неразрешимой. Хорошо, что все-таки Крым, а не Лапландия.

Теперь пища. Судя по всему, племя не страдает от голода. Никого особо тощего возле пещеры я не заметил. Значит, умеют добывать и охотиться. Вряд ли я сходу найду что-то съедобное, чего они не нашли за несколько тысяч лет, так что на эту тему можно не заморачиваться. Поначалу буду жарить то, что принесут в клюве дикари. А в статусе Бога я вправе рассчитывать на приоритетную кормежку. Так что не пропаду.

Что дальше? Общение. Они умеют говорить, голова у туземцев соображает. Значит, их можно обучить как минимум базовым вещам. И это необходимо делать в первую очередь, иначе не получится ничего остального. Меня считают чем-то священным. Вождь выполняет мои просьбы, а племя беспрекословно его слушается. Стало быть, можно выстроить систему делегирования полномочий. Пока сплошные плюсы. Теперь подумаем о минусах.

Даже не считая того, что спать мне придется не в своей постели, и зубную щетку я не захватил, минусов было предостаточно. Если сейчас примерно декабрь месяц, то на растительную пищу рассчитывать особо не стоит. Ни грибов, ни ягод, ни фруктов. Все будет зависеть только от удачной охоты. Рискованно...

Я не знаю, какие дикие животные и другие племена обитают поблизости. Какие с ними отношения? Есть ли враги? Это еще один повод для беспокойства.

Подведем итог. Получается, что основной сценарий – это жевать полгода сплошное мясо, мыться в холодной воде и усовершенствовать быт дикарей. Если между делом не быть съеденным каким-нибудь саблезубым тигром, то, в принципе, терпимо. Почему-то вспомнился почти документальный фильм «Живые» про потерпевших авиакатастрофу в горах и проживших там кучу времени, пережевывая пилотов. Я поежился. Что ни говори, моя ситуация далеко не самая ужасная.

«Живы будем – не помрем», – улыбнулся я себе. План вырисовывался следующий: во-первых, подготовить себе ночлег. Во-вторых, начать обучение языку Тыкто, а, еще лучше, и остальное племя. В-третьих, понять, что можно улучшить из быта, благо кое-какие идеи у меня уже были. И искать, искать, искать, как попасть обратно.

С такими мыслями я подошел к стоянке дикарей.

Наше возвращение встретили бурно. Мужчины, оставшиеся в лагере, тут же принялись показывать вождю детей с красными ладонями, возбужденно тыча на остатки костра. Все понятно. Мерцающие угольки – отличная пища для детского любопытства. Я попытался взять ближайшего обожженного ребенка за запястье, но тот резко отшатнулся. Тыкто коротко прикрикнул, и пацан остался стоять на месте, хотя остальные отошли от меня на пару шагов.

Хорошо. Не хочешь меня касаться – не надо. Не дотрагиваясь до мальчика, я показал, что нужно идти к речке. Дойдя до ручья, я засунул свою руку в холодную воду, призывая к подражанию. Ребенок повторил. Убедившись, что парнишке это помогает, и он не пытается удрать, я достал свою руку из воды и отошел. Видя, что лицо ребенка приобрело довольное выражение, мужчины потащили остальных страдалцев к воде, и начали нехитрое лечение. «Еще одна монетка в копилку моей значимости», – подумал я.

На большом плоском камне, служившем, по-видимому, столом, лежал ужин. В центре красовались остатки какого-то животного, судя по копыту, косули. Похоже, именно ее мясо я и ел сегодня утром. Рядом расположился голубь, с десятка маленьких ящериц, полдюжины корешков вроде хрена и довольно внушительная кучка фисташек. Все стояли и смотрели на меня. Я остановился на голубе и взял горсть орехов. То, что здесь можно найти фисташки, и сейчас, по-видимому, сезон – это отлично. Будет хоть какая-то растительная пища. Корешки я пробовать пока не решался.

После того, как я выбрал пищу, к столу подошел вождь. Он разделил куски мяса между воинами и, сев на землю, позволил всем приняться за еду. После мужчин к каменной плите потянулись взрослые женщины и забрали корешки, ящериц и немного орехов, и отнесли их ближе к пещере. Женщины и дети ели там.

Пока проходила раздача снеди, я посчитал численность племени, которое четко делилось на мужскую и детско-женскую части. Мужиков было тридцать два человека: двенадцать крепких воинов, включая вождя, в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. Еще из школы я помнил, что до сорока тогда мало кто доживал, и такой возраст считался старостью. Двое престарелых мужчин, один из которых сильно хромал. Десять человек молодежи, видимо, лет пятнадцати – двадцати – я так решил, оценив небольшое количество растительности на лице и теле. И восемь мальчиков-подростков лет до четырнадцати. Все они сидели около стола и ели те куски, которые им выдавал Тыкто.

Около пещеры находилось двадцать пять женщин. В дамской части племени тоже была своя иерархия. Сильная туземка, на вид около сорока лет, хотя, возможно, ей не было и тридцати, была кем-то вроде вождя. Она приносила Тыкто еду для меня утром, она же раздавала пайку сейчас. Женщины были грязные и несимпатичные. Скорее, это были изможденные трудом самки. С ними постоянно находилось около двадцати голых детей возраста от года до восьми. Таким образом, племя Тыкто состояло более чем из семидесяти человек.

Закончив подсчеты, я выкопал небольшое углубление в земле и снова разжег костер. Затем, не тратя время на ошипывание, просто опалил голубя и зажарил его на углях. Мяса было мало, но червячка заморил, плюс погрыз орешки на гарнир. После ужина я отломал немного веток и показал Тыкто, что мне требуется еще. Несколько мужчин тотчас принялись таскать мне палки самого разного размера, пока я не остановил их, удовлетворившись видом получившейся кучи. Сдвинув костер из выкопанного углубления в сторону, я положил в него бревно и поставил несколько толстых поленьев вокруг. В прогревшееся углубление я постелил шкуру, которую взял с молчаливого согласия присутствующих у входа в пещеру. Теплая земля грела снизу, костер – сбоку. Перспектива схватить воспаление легких в первую же ночь меня совсем не прельщала. Застегнув пуховик по шею, я лег на свое ложе. Рядом смиренно сел Тыкто.

Племя расположилось в пещере. В глубине лежали женщины с детьми, затем молодняк и воины, а с краю – двое престарелых. Тогда я еще не понимал истинного смысла такого расклада.

Все спали кучей, накрывшись шкурами, и согревая друг друга. Я лежал отдельно с сидящим рядом персональным охранником. Любопытно, он и вторую ночь не будет спать?

Закрыв глаза, я моментально отрубился.

Утром я проснулся от холода. Тыкто, покрытый гусиной кожей, все так же сидел на прежнем месте. Бревно в костре еле тлело, дрова вокруг прогорели. Половина племени, очевидно, ушла на поиски еды. Остались только женщины с детьми и десяток воинов.

Я наломал мелких веточек и раздул костер. Надо научить их поддерживать огонь, подумал я. Часто использовать зажигалку – плохая идея. Затем я начал таскать средней величины камни и выложил их вокруг кострища. На втором камне, поняв, что я делаю, туземцы бросились мне помогать. Весьма похвальное обезьянничество. Закончив обрамление очага, я взял палку и демонстративно бросил ее в огонь. Взял вторую, показал ее Тыкто и сказал: «Палка». Для закрепления я показал на себя и произнес «Гном», затем ткнул в вождя со словом «Тыкто» и снова обозвал палку. После чего опять бросил ее в огонь. Третью палку я положил на землю, указав на нее вождю. Он взял ее и попробовал сказать «палка». В принципе, получилось что-то похожее. После этого он тоже метнул ветку в огонь. Видя мое одобрение, Тыкто схватил еще дрова и, называя каждую деревяшку «палка», стал швырять их в пламя. В какой-то момент я пресек его энтузиазм возгласом «эй-эй-эй». Такими темпами он бы спалил весь запас топлива за десять минут. Вождь нехотя остановился.

Я заставил любопытных зрителей принести еще дров и сложить их в кучу. Затем я попытался добиться того, чтобы ветки кидал не вождь, а кто-то еще из племени. Не тут-то было! Тыкто очень ревностно отнесся к тому, что великая честь кидать «палка» в этом племени будет отдана кому-то другому. Еще сложнее было объяснить, когда следует подбрасывать дрова, а когда уже хватит. Но мне показалось, что и это удалось.

Видя, что поленьев достаточно, я попросил еще фисташек (для этого я сохранил одну в кармане еще вчера), и пошел на разведку в сторону гор. Дружина двинула следом за мной, оставив одного из туземцев следить за огнем.

Взбираясь наверх, я увидел паренька лет семи, кидавшего камни в птиц. У всех свои обязанности, своя охота, – подумал я. Птицы сидели высоко, и взмах рукой перед броском распугивал их. Вероятно поэтому, несмотря на полдень, добычи все еще не было.

Мы поднимались по смешанному лесу, постепенно переходившему в сосновый. Затем деревья поредели и вскоре вовсе почти пропали. Началось предгорье. Воздух стал заметно холоднее. Мы поднялись на самую высокую точку в радиусе нескольких километров, и я огляделся. Не было никаких признаков цивилизации. Ни дыма от костра, ни следов самолета в небе, ни-че-го. Впрочем, дым все-таки был, и он поднимался с нашей стоянки. Что-то явно пошло не так. Дрова не должны так коптить. Надо было возвращаться.

– Хэв, – показал я рукой на дым. – Идем хэв.

Спускаясь с вершины, я заметил вдалеке горных козлов. Они ловко скакали по камням, удирая от нас. Неплохо было бы их поймать и приручить, – подумал я. Рука дернулась, чтобы записать эту мысль в заметки на телефоне. Чертовы рефлексy двадцать первого века!

– Козел, – показал я на них Тыкто.

– Кызл, – повторил тот.

Пользуясь моментом, я продолжил учить дикарей языку. Пока мы шли вниз, были выучены слова «камень», «лист», «орех», понятия «маленький» и «большой», показанные на примере булыжников. Слово «глаз», которое стало синонимом «видеть». Получалось «Гном глаз Тыкто» или «Гном глаз камень». Вождь охотно грыз гранит науки. Туземцы оказались способными. Я видел, как и остальные воины шевелили губами, повторяя слова, но не решались произнести вслух.

Подойдя к лагерю, я понял, что оправдались мои худшие опасения. Все дрова были сожжены, костер завален листьями и сильно чадил. Хранитель очага, похоже, надышался дымом, поэтому испугано сторонился кострища, потирая красные глаза. Я подошел и пинками раскидал листья. После чего, взяв палку и, собрав в кучу угли и дрова, привел костер в нормальное состояние.

– Палка – да, – показал я всем и бросил ее в пламя.

– Лист – нет!

Видно было, что до Тыкто и остальных начинает доходить, что к чему.

– Огонь! – показал я на языки пламени.

– Огонь мало – палка – да!

– Огонь много – палка – нет!

Прошел первый урок пожарной безопасности. А незадачливый хранитель получил солидную зуботычину от вождя.

Племя начало возвращаться с охоты. В этот раз птиц было много – целых пять. Другого мяса не было. Фисташек принесли килограмма три. Видимо, вождь предупредил, что они мне понравились. Поняв, что из ингредиентов имеется в наличии, я занялся приготовлением ужина. По старой схеме разжег костер в своем углублении и зажарил голубей. Одного съел сам, остальных отдал вождю. Наученные опытом туземцы голубей сначала обдули, затем с охотой слопали. Женщины и дети проглотили своих ящериц. Судя по тому, что ели они мало, основное питание проходило в течение дня. Найдя какого-то жука, ребенок съедал его, а более крупную добычу приносил в пещеру. Ужин, по сути, предназначался для остававшихся дома и воинов. Темнело рано, и племя после еды сразу принялось готовиться ко сну.

Вторая ночь прошла куда менее спокойно. Меня разбудил дождь. Расположившись под открытым небом, я не подумал об осадках. Стихия гигантскими пригоршнями щедро бросала на меня воду. В пещеру я перебираться не стал, чтобы не разрушать стереотип своей избранности. Поэтому оставалось только подкидывать дрова в огонь и греться подле него, смахивая капли, стекающие по лицу. Утром развешанные на палках вещи трепыхались около костра, а я, дрожа в одних трусах, твердо принял решение построить дом с крышей.

Дом – это было громко сказано. Мы натаскали камней, из которых я сделал пару стен высотой с метр, прислонив их к скале около пещеры. Щели я замазал глиной, которую нашел выше по течению. Крышу соорудил из веток, также смазав их глиной. Получилось такое спальное место площадью два квадратных метра. Рядом со стеной я развел новый костер: камни нагревались и отапливали мое жилище изнутри. Проблема ветра и дождя была решена. Но надо было закрыть еще один вопрос – гастрономический. Так что на следующий день я наметил поход к морю.

Глава 4

Проснувшись утром третьего дня, я с досадой убедился, что по-прежнему нахожусь в доисторическом Крыму. Жизнь и сон поменялись местами. Ночью я видел привычные современные картины: суетливую Москву, озабоченных коллег, банковскую столовую с холодными макаронами. Днем же все окружающее меня напротив походило на сновидение. Я закрыл глаза и попытался опять провалиться в грезы, чтобы еще чуть-чуть пожить в современном мире, но уснуть не получалось. Пришлось выползти из своего футляра на свет. Племя встретило мое появление внимательными взглядами. Кивнув всем, я прошлепал к ручью, умылся, затем молча взял из пещеры еще одну шкуру и, перекинув через плечо, пошагал в сторону моря.

На этот раз я старался быть более внимательным и замечать все, что видел вокруг. Такие старания и наблюдения очень скоро дали плоды. Я немного изменил путь и теперь шел не вдоль русла, а в стороне, по полю. Среди желтеющей травы я заметил колос. Зерна из него уже выпали, но растение точно было злаковое. Овес, ячмень, рожь, а может, даже и пшеница – это было не важно. Факт наличия колоска давал шанс на хлеб уже в ближайшей перспективе. Вскоре я нашел еще несколько таких же растений, и в некоторых зерна были на месте.

Я показал колоски Тыкто, выковыряв зернышко. Надо было как-то объяснить ему, что мне нужно добыть их как можно больше.

– Зерно – хэф, много, – повторил я несколько раз.

Надеюсь, он это понял. По крайней мере, двое из отряда остались искать семена, а мы двинулись дальше. Через четыре часа я уже был у «Шаляпинской» скалы. За тысячи лет величественные камни мало изменились.

Я нашел углубление в прибрежной гальке, после чего набрал в шкуру, как в мешок, морской воды и положил ее в яму. Получился небольшой бассейн. Эти действия выполнили основную задачу сегодняшнего похода. Я огляделся и из мальчишеского любопытства решил взобраться на скалу, как несколько лет назад. Со мной полез только Тыкто. Остальные смотрели на море с большой опаской и близко к воде не подходили.

Посмотрев с утеса в плескающуюся подо мной воду, я увидел рыбину средних размеров, граммов на двести.

– Рыба, – указал я на нее Тыкто.

– Ханан, – ответил он и отрицательно покачал головой.

Взгляд Тыкто не следил за рыбой. Судя по всему, «ханан» относилось к морю в целом. Я еще раз указал на снующих внизу рыбешек и повторил:

– Рыба!

– Ханан! – твердо повторил Тыкто и скрестил руки на груди, отказываясь смотреть вниз.

Может «ханан» – это вообще не вещь, а например, аналог слова «табу»? Как бы то ни было, я спустился, разделся и попробовал зайти в воду. Это вызвало бурю тревожных криков со стороны туземцев, после чего я окончательно утвердил себя в мысли, что море по какой-то причине является запретным местом. Презрительно посмотрев на скачущих, словно макаки, дикарей, я резко присел, обдав себя ледяной водой по шею. Но холод был пустяк по сравнению с тем, что я увидел еще будучи наверху. Заиленные стенки скалы облепляли рапаны и мидии. Я собирал их и выбрасывал на берег, пока окончательно не задубел. Стуча зубами, я вытерся пиджаком и, надев пуховик поверх рубашки, набил моллюсками полные карманы. Остальную добычу я сложил в кулек, сделанный из мокрого уже пиджака. Можно было возвращаться назад. День был потрясающе удачен.

Придя в лагерь, я с одобрением отметил, что костер горит ровно и в меру. Туземцы справились с поддержанием огня.

– Огонь – хорошо, – улыбнулся я.

Вести с полей также были благоприятные: по моей просьбе принесли и высыпали на стол примерно полкило зерен.

– Зерно – хорошо, – снова поблагодарил я добытчиков. Неясно, правда, как его хранить, когда и, главное, куда сеять. Но пусть носят. Позже разберемся.

Меня сейчас занимала вполне приземленная задача: как сварить морскую добычу. Сырыми мидии съесть в принципе можно, но это уже крайность. Впрочем, решение пришло довольно быстро. Я нашел более или менее плоский камень известняка, вросший в землю, и, попросив кремневый топор, стал долбить в нем углубление. Через полчаса получилась чаша литра на полтора. Пока хватит, решил я, и, чертыхаясь, натаскал в эту кастрюлю пригоршнями (а потом и используя рот) воды из ручья. Затем я взял из костра небольшие камни, которые предусмотрительно бросил туда перед долбежкой, и начал класть их в чашу. Камни издали змеиное шипение и выпустили клубы пара, изрядно напугав окруживших меня дикарей. Вылавливая палкой камень, ускользающий, словно непокорный пельмень, и кладя на его место следующий, я очень быстро довел воду до кипения. Наступила очередь мидий, и уже через несколько минут все было готово для пира.

Съев первую мидию, я понял, что их вкус за тысячи лет несколько не поменялся. Не хватало специй, но это дело наживное. Надо внимательнее рассмотреть травы. Вторую мидию я предложил вождю, положив ее на стол.

– Ханан! – решительно отказался он.

– Ханан нет! – попытался отменить я табу. – Ешь!

– Ханан! – упрямо повторил вождь. Видимо, это был сильный запрет.

Окей, мне больше достанется, решил я и до отвала набил брюхо моллюсками. По правде говоря, произошедшее меня расстроило. «Ханан» в отношении моря был проблемой. Выходит, что послать дикаря за рапанами не получится. Да и рыбу, получается, они не ловят. А терять весь день, лично топя за едой и обратно – удовольствие сомнительное. Надо будет что-то делать с этим табу.

Хэф быстро погружался в темноту. Я залез в свое логово, но заснуть не удавалось. Идеи и планы в великом множестве роились в моей голове. Я вдруг ощутил себя игроком в «Цивилизацию», открывающим новые «технологии». Лицо расплылось в улыбке. Когда-то, еще в начале девяностых, я был очень крутым игроком, пропадая часами за допотопным монитором. Теперь предстояло сыграть в реальности.

Такая параллель мне пришлась по душе, и я стал вспоминать, какие науки открывались в самом начале. На ум сразу пришло Pottery². Это нужно. Без посуды даже воды не принесешь. Кстати, в горшках и зерно можно хранить. Значит, глина будет первоочередной задачей на завтра. Затем были Wheel, Masonry, Irrigation, Alphabet, Writing³ – а вот это все ерунда ненужная. Ирригация – пока рановато, колесо – катать негде. Кирпичи – их тоже непонятно где сейчас можно использовать. Bronze Working⁴ – вот это было бы кстати. Надо искать в горах руду. Только как ее искать, как выплавлять? Общее представление, что руда плавится в печах при помощи мехов, у меня было. Но на этом знания заканчивались. Очевидно одно. Для освоения этой науки потребуется не один месяц. Начнем с горшков.

Большим усилием воли я заставил себя уснуть. Несмотря на все эти мысли о прогрессе, я каждый день не расставался с мечтой, что завтра проснусь у себя в кровати. Или хотя бы на асфальте у бара. Накатывающие думы о том, что теперь я обречен, и остаток жизни пройдет здесь, заставляли меня тихонько скулить от отчаяния.

---

² Гончарное дело (англ.) (здесь и далее – термины из игры «Цивилизация»).

³ Колесо, кирпичная кладка, орошение, алфавит, письмо (англ.).

⁴ Работа с бронзой (англ.).

Глава 5

Глина, ранее найденная вверх по течению ручья, была беловатая и лепилась довольно хорошо. Я сделал четыре, с позволения сказать, чашки, ибо лепка посуды оказалась вовсе непростым занятием. Это может подтвердить каждый, кто попробует сделать из пластилина стаканчик крупнее наперстка. После того, как удалось подобрать влажность глины и чашки перестали расползаться, я приступил к обжигу. Несколько изделий позволяли искать оптимальный режим запуская одновременно серию тестов. Одну пиалу я поставил прямо на угли, другую рядом с огнем, третью засыпал золой, а четвертую просто оставил стоять на солнце.

Через несколько минут первый опытный образец приказал долго жить и покрылся паутиной трещин. Второй экземпляр присоединился к первому с небольшим опозданием. А вот чашка с золой продержалась, равно как и чашечка, стоявшая на солнце, и к концу дня они казались весьма крепкими. Вот только при попытке набрать в них воду глина стала размокать. Что-то я все-таки делаю не так. Пришлось начинать заново.

Первое, что удалось понять – сохнуть глина должна постепенно, поскольку быстрый нагрев приводил к трещинам. Но и то, что изделие придется обжигать, – тоже не вызывало сомнений. Решив, что солнышко – лучший инструмент для сушки, я принялся за работу и налепил уже с десятков чашек, когда к процессу примкнул мальчик лет восьми. Он находился в пограничном статусе – вот-вот должен был перейти из разряда детей в категорию мужчин, но пока занимался собирательством с женщинами. Вернувшись с промысла, парнишка сначала наблюдал за мной, а затем подошел к пласту глины, отковырял кусок и начал лепить. Тыкто, увидев это, покраснел от гнева. Он подскочил к ребенку и уже собрался ударить его за несогласованные действия, но я успел одернуть его возгласом.

– Хорошо, – сказал я, показав на побелевшего от страха мальчика, – хорошо!

Эти позитивные слова возымели эффект. Пацан, уже вжавший голову в плечи в ожидании удара, посмотрел на меня благодарным взглядом и продолжил лепку. На третьей чашке у него стало получаться не хуже, чем у меня. Парнишка оказался способным.

– Хорошо, – поблагодарил я его.

– Хорошо, – весьма внятно повторил юный падаван. Я удивленно посмотрел на него, поражаясь неожиданной чистоте произношения. Мальчик ответил долгим взглядом, а потом скромно улыбнулся и продолжил упражняться с глиной.

Чашки расставили сушиться уже на уходящем солнце, и мне пришлось отложить обжиг до следующего дня. Поужинав фисташками и моллюсками, я отправился спать. Никакого движения вперед в гончарном деле не произошло, но я обрел молодого помощника, а это, как ни крути, был плюс.

На следующее утро Тыкто, до этого не отпускавший меня ни на шаг, попытался заговорить.

– Гным, – позвал он меня, – сых! Аато!

Он показал на свой топор, затем на копьё у ближайшего воина, затем двумя руками в сторону гор.

Судя по всему, он пытался объяснить, что уже пятый день они не охотятся, карауля меня. И, похоже, им захотелось-таки свежего мяса.

Почему бы и нет? Пока сушатся чашки, можно сходить с парнями на охоту, а заодно сделать еще одну вылазку. Может быть, встретится что-нибудь интересное.

– Идем, – согласился я и показал двумя руками в сторону гор.

Мы выдвинулись на север и через некоторое время отклонились немного левее. В небольшом овраге пришлось пробираться через заросли крапивы. Злая трава покусывала мои руки и щеки, напоминая о деревенском детстве. Удивительно, но голые туземцы не пытались обойти

опасный участок, спокойно шагая сквозь двухметровые стебли. Дойдя до плато с небольшими островками рощ, дикари рассредоточились. В какой-то момент воины заметили коосулю, и с этой секунды их действия стали решительными и скоординированными. Рассыпавшись широкой цепью, они стали окружать животное гигантским серпом. По его краям бежали самые молодые и выносливые. Мы с вождем остались по центру и просто двигались вперед. Через несколько мгновений животное заметило нас и рвануло от центра в сторону. Те воины, что были с краю, начали сильно кричать, и коосуля изменила курс на параллельный нашему. Как только она отклонялась влево – левый загонщик криками возвращал ее обратно в центр огромного полумесяца из людей. Если бежала вправо – включался правый фланг. Серп постепенно сжимался. Я бежал изо всех сил, но все равно отставал от остальных. Не жалуясь на физическую подготовку, я все же выглядел начинающим любителем среди матерых профессионалов. Охотники бежали легко и ровно, как будто и не было за спиной километров погони. Я же в конце запыхался и остановился, согнувшись пополам от покалываний в боку, а, распрямившись, увидел, что племя гонит добычу к обрыву. В тот момент, когда кольцо преследователей почти сжалось, все воины разом издали такой дикий крик, что животное, не останавливаясь, бросилось вниз. Когда я подошел к обрыву, двое туземцев уже поднимали тушу косули, прыгнувшей с высоты около двадцати метров. Воины издали победный клич.

Честности ради отмечу, что не нашел нужным утомлять читателя детальным описанием целого дня охоты, ограничившись лишь удачной попыткой. До этого было пять или шесть погонь, в которых косули вырывались из окружения, поэтому мне пришлось набегаться так, что я не чувствовал ног. Вероятнее всего, подобная удача вообще могла сегодня не случиться, и радостный клич после поимки зверя был действительно искренним ликованием.

На ужин мне торжественно были предложены мозги зверя, но я предпочел зажарить ногу. Каковым же было мое удивление, когда несколько воинов поставили такие же, как у меня, рогатки и принялись готовить куски мяса на огне. Я помог новоиспеченным кулинарам не сжечь еду, и они благодарно закивали. Подобное обезьянничество польстило мне, несмотря на то, что большинство дикарей предпочло съесть добычу сырой.

После ужина пришла пора для моих чашечек. Мне казалось, что они отлично высохли и, взяв несколько штук, я положил их в угли. Еще часть засыпал горячей золой. Для того чтобы поднять температуру в костре, я минут десять махал сложенным пиджаком, нагнетая кислород. Одурев от жары и дыма, я сказал Тыкто:

– Помогать! – и выдал ему пиджак.

Стоило немалого труда объяснить бородатому балбесу, что от него требуется. Тыкто, наконец, увидел, что угли краснеют от каждого взмаха, после чего сразу крикнул что-то помощникам, и те притащили большую шкуру. Взявшись за углы и начав колыхать воздух, они создали такой ветер, что в Ялте затрясся самшит. Угли вспыхнули стоваттным светом и начали быстро прогорать. Жар стоял отменный.

На этот раз результат оказался приемлемым: из пяти чашек две не треснули. Когда они остыли, я постучал по краешку ногтем и услышал знакомый звенящий звук керамики. Неужели победа?! Набрав в пиалки воды, я окончательно убедился, что теперь все сделано правильно. Жидкость не протекала.

Оставалось попробовать обжечь те чашки, что ждали своей очереди, наполненные горячей золой. К моей бурной радости этот эксперимент закончился стопроцентным попаданием: пять из пяти вышли из огня без трещин. Бинго! В производственный процесс добавилась дополнительная горячая сушка, и мы торжественно вступили в эпоху гончарного мастерства.

Глава 6

Утром я посвятил два часа тому, чтобы сделать что-то похожее на кувшин (точнее, горшок литра на три), а затем обучить этому Тома. Так я назвал способного пацана, почему-то напомнившего мне Тома Сойера. После этого я попросил Тыкто «помогать» Тому сделать много таких кувшинов. К мальчику немедленно присоединились две женщины, а мы с вождем и командой снова отправились вниз, к берегу.

Этот поход к морю ничем не отличался от предыдущего. По дороге я опять дал задание по поиску и сбору зерна. Потом, у берега набрал моллюсков, но, самое главное, морская вода в оставленном углублении высохла, и в шкуре образовалось граммов пять соли. Я бережно собрал ее, оставив шкуру еще раз сохнуть. В следующий раз принесу горшки. Испаряться из них вода будет, конечно, дольше, но соли, по моим подсчетам, должно получаться не меньше десяти граммов на литр.

Вернувшись в лагерь, я обнаружил около двадцати горшков разной степени уродливости. Забраковав половину как совсем непотребные, я довел до удовлетворительного состояния оставшиеся, показав тем самым, что именно хочу получить. Прошедшие фейс-контроль изделия отправились в сушку. На следующий день они превратились в три крепких сосуда, которые сразу стали использоваться для хранения зерна. Остальные треснули, но меня это не беспокоило. На глиняном участке было три человека, включая Тома, которые начинали лепить все лучше и лучше. Немного обучения, и работнички приучились самостоятельно выставлять посуду на сушку, а затем и засыпать золой. Контроль за обжигом я все-таки оставлял за собой.

В обретенной посуде я варил себе мидии, раз в три дня пополнял их запас, отправляясь к морю за моллюсками, а заодно и за солью. В горшке получилось сварить и первый мясной суп. Оставшиеся кости и кусочки потрохов после приготовления дали наваристый бульон, и, разлив его по пиалам, я позволил племени отведать горячее и сытное питье. Жаль, не было картошки или морковки, но это уже мечты. Насколько я знал историю, их завезут в Европу ой как не скоро.

Голод обходил племя стороной. Раз в неделю, а бывало и чаще, охотники приносили дичь. Каждый день подростки добывали несколько птиц, а у меня был стратегический резерв моллюсков, которые жили в кувшине с морской водой. Принесенная соль делала еду не такой пресной. Но все равно эффективность труда была очень низкой. Практически все свободное время племя тратило на добычу еды, при этом запасов почти не оставалось. Нужны были улучшения, чтобы подняться хотя бы на одну ступеньку пирамиды счастья, описанной когда-то господином Маслоу.

Я решил начать с мальчишек, которые били птиц. Кидать камни можно было гораздо результативней и дальше: например, пращей. Но для обучения этому древнему искусству потребовалось бы несколько месяцев, а за это время они всех покалечат, – я вспомнил свои детские опыты в деревне. Так что, после многочасовых размышлений, мной был избран другой способ. Любой хулиган знает, что наколотое на палку яблоко после взмаха летит гораздо быстрее, чем просто брошенное рукой. По этому нехитрому принципу я решил смастерить камне-металку. Первый же опыт с более или менее подходящей веткой показал, что затея перспективная. Мне пришлось перебрать несколько палок, пока я не нашел такую, чтобы с её конца не сваливался камень, удерживаемый крючковатыми сучками. Потренировавшись, я усовершенствовал конструкцию, прикрепив кожаную заплатку к раздвоенному кончику и примотав ее жилами, остававшимися после разделки туш крупных животных.

Через пару дней я собрал мальчишек и продемонстрировал им свое изобретение. Для этого я попросил их кинуть камень в стену с расстояния около пятидесяти метров. Почти все добросили, но, в основном, на излете. Затем я попросил повторить это подошедших воинов. Результат был гораздо лучше. После выступления племени я взял свою металку и запустил ею камень. Тренировки не прошли даром: первый же выстрел вышел отменным. Камень врезался в скалу с таким звуком, что было ясно – сила многократно превосходит все детские попытки и даже некоторые взрослые. А если учесть, что голой рукой я бы просто не докинул камень до стены – эта выдумка могла стать для мальчишек мощнейшим подспорьем в охоте. Теперь оставалось всего ничего: наделать еще металоков, научить туземцев ими пользоваться и изготавливать самостоятельно, а также натренировать меткость до уровня броска рукой.

Я бросил все силы на выполнение этого плана, и уже через неделю появилась первая птица, сбита новым способом. А через десять дней – первая лиса, убитая этим оружием. Добыча вроде лисы или зайца до сего момента была практически недоступна. К таким зверям нереально было подобраться ближе, чем на тридцать метров, а металка позволяла поражать цели на расстоянии до семидесяти метров. После убитой лисы Тыкто приказал четверым солдатам, которые плохо бегали на загонной охоте, приступить к обучению вместе с детьми. Все-таки Тыкто неплохо соображал и, я бы даже сказал, был способным менеджером.

Количество добываемых пернатых возросло. Я начал запекать их в глине – так было легче чистить перья, и пропекание стало более равномерным. Впервые за почти четыре недели пребывания здесь я сделал свой личный запас из нескольких зажаренных птиц. Но племя по-прежнему съедало все, что удавалось найти, поймать и подстрелить.

По моим подсчетам, оставалось два дня до Нового года, и ночи стали гораздо холоднее. Я еще раз промазал в своей хижине все щели и, после завешивания входа шкурой, в ней было вполне тепло. Проснувшись первого января, я хмуро поздравил себя вслух:

– С Новым годом, Гном! Надеюсь, что ты вернешься домой в наступившем году, а если нет, то не помрешь от какой-нибудь доисторической инфекции.

Выпить было нечего. Я чокнулся кулаком с каменной стеной и вышел на улицу. Перед входом уже смиренно стояла моя доисторическая тень в лице Тыкто.

Глава 7

Планов было много, но для их осуществления нужны свободные человеческие ресурсы. А мы все еще не могли выйти на уровень, когда племя тратит меньше восьмидесяти процентов времени на поиск пропитания.

Однажды, проходя в сторону плато через крапиву, я вдруг вспомнил детский мультфильм. Там девочка должна была сплести братьям-лебедям рубашки из этой жгучей травы. Это навело меня на мысль, что крапива является подходящим материалом для веревки. Изучив ее стволы, я понял, что их действительно покрывают довольно прочные волокна. Теперь осталось понять, как из всего этого сделать бечеву.

В нормальной жизни я очень любил логические загадки. Находить решение на первый взгляд невыполнимой задачи – это особый кайф. Азарт усиливается, когда знаешь, что задачка непременно имеет решение, и, например, твой не шибко смысленный коллега уже дошел до правильного ответа. Сейчас одной из таких головоломок для меня была веревка.

Я принес охапку стволы крапивы, очистил их от листьев и веточек и попробовал оторвать волокна. Но не тут то было! Они упирались, словно приклеенные, и рвались в самый неподходящий момент. Так что за день я сделал лишь небольшой пучок из ниток. Стало очевидно – выбранный путь не верен. Только что сорванная крапива была влажной, и, это сильно мешало. Разбросав растения около очага, я оставил их на солнце, и через пару дней попытался снова. Стало гораздо легче. Нити отслаивались от ствола, и кусочки сухого стебля осыпались. После нескольких часов мучений на ум пришло новое усовершенствование: волокна не обязательно отделять от стебля. Можно отделить стебель от волокон. Я разложил сухую крапиву на камне и принялся стучать по ней палкой. После такого обмолота получился солидный пучок, напоминающий грязный конский хвост с болтающимися на нем кусочками стеблей. Призвав на помощь несколько доисторических рук, я быстро добился подходящей чистоты продукта.

Для того, чтобы веревка получилась крепче, я начал плести волокна как косичку. Скорее, для простоты я закручивал нити пальцами, и только затем вплетал получившийся шнурок в косу. Оказалось, это добавляло прочности. Когда волокна кончались, к ним подцеплялись новые, поэтому веревочка получалась достаточно однородной.

Уже через три дня я получил двухметровую косичку в полпальца толщиной. На удивление прочность была такая, что руками разорвать ее не сумел ни один воин из племени, включая здоровяка, которого я окрестил Быком. Выходило, что я могу делать веревки для любых целей. Даже если вдруг потребуется канат, переплетем три косички в одну большую косу, решил я.

Теперь надо было поставить процесс на поток. Четыре женщины и ребенок включились в сбор крапивы, обмолот и кручение нитей. В день получалось сделать около трех метров стандартной веревки, причем с наработкой опыта скорость производства все увеличивалась.

Мои гончары тем временем научились производить что-то вроде фляги, выковыривая глину палочкой из цельного куска. Затыкая горлышко деревянной пробкой, воины получили возможность брать с собой на охоту до трети литра воды.

Из мастерской выходили блюда, чашки, тарелки, большие и маленькие кувшины. Уровень мастерства, несмотря на отсутствие гончарного круга, неуклонно возрастал.

С появлением веревки эффективность охоты повысилась. Нет, лук я изобретать не стал. Его появление входило в мои планы, но явно не в ближайшие. На это могла уйти не одна неделя, а, вероятнее всего, месяцы. Основное применение веревки в охоте заключалось в помощи при ловле птиц. Петля, разложенная на земле, немного зерен, насыпанных на камне, и мальчик в засаде, – вот и весь секрет.

Добытых птиц стало еще больше, но главное, что наконец дала мне веревка, – это возможность ловить рыбу. Тонкий шпагатик, выдерживающий килограммов пять веса, крючок из отломанной косточки и наживка из мидии. Моя первая же рыбалка с утеса закончилась уловом в десяток рыб. Хорошо, что я взял запасные крючки и веревки: рыбалка остановилась именно потому, что весь инвентарь был испорчен.

Племя пускало слюни на запеченную в глине рыбу, но ханан не позволял им притронуться к ней. Так что морепродукты я ел в гордом одиночестве. Сделав заводь у ручья, я хранил там недельный запас рыбы и моллюсков, позволяющий мне не зависеть от результатов охоты.

Шел январь, и мне пришло в голову, что пора бы озаботиться и сельским хозяйством. Я нашел подходящее поле в километре от лагеря. Племя очистило его от камней и разрыхлило деревянными мотыгами. Собранные ранее три горшка семян были бережно посеяны на площади в треть гектара. Частые в это время года дожди, надеюсь, благоприятствовали прорастанию. Я наивно полагал, что озимые сеют именно зимой, и радовался, что не упустил время. Благо, мягкий климат Крыма позволил так ошибиться и не сильно меня наказал.

Через какое-то время случай преподнес на блюдечке еще одно изобретение. Вербки с петлями для ловли птиц на ночь развешивали на ближайших деревьях, чтобы утром забрать с собой на охоту. В какой-то день одну из них не сняли, и трехлетний мальчик, пробегая мимо, не заметил кольца и влетел в него головой. Петля тут же затянулась, и малыш упал. Племя занималось своими обыденными делами. Никто не обращал внимания на свалившегося ребенка. Я тоже продолжил крутить в руках веревки, придумывая хитрые узлы, но потом внутри что-то екнуло. Отложив занятие, я подошел к дереву и увидел, что лицо ребенка уже приобрело синюшный цвет. Слабые ручки не могли ослабить затянувшуюся удавку, и мальчик лежал без движения. Я бросился на помощь. Дрожащими пальцами старался распутать необычайно крепкий узел, но через несколько долгих секунд понял, что голыми руками мне это сделать не удастся. Крапивная веревка, в отличие от привычных нам синтетических, затягивалась намертво. Женщины, заметив мои манипуляции, стали собираться. У меня на руках лежал бездыханный малыш, и со стороны ситуация выглядела совсем не в мою пользу. Я полез в карман за кремневым ножом, но наткнулся на зажигалку. Подойдет. Чиркнув, я поднес пламя к детской шее. Ропот собравшихся перешел в натуральный крик, и небольшая кучка женщин привлекла внимание всех находившихся возле пещеры людей. Теперь за мной с подозрением наблюдало около двадцати взволнованных дикарей. От огня веревка наконец лопнула. Я наклонился и резко выдохнул в рот ребенку. Потом нажал ему на грудь, выпуская воздух, и снова повторил искусственное дыхание. На третий выдох малыш закашлял, и лицо его начало розоветь. Уже через минуту мальчик вырвался и убежал к матери, плача и потирая ожог. Племя разошлось. В нервном ознобе я вернулся к своим занятиям.

Этот чуть не ставший трагедией случай подсказал мне гениальную идею. Звери ходят тропами, и таких петель можно наставить достаточно, чтобы вероятность попадания туда животного была высокой.

Это был прорыв! Силковая охота моментально начала приносить плоды. Олень, две лисицы, волк, небольшой кабан и пять зайцев – такой улов мы получили в первую же неделю. После этого веревки были изорваны, изгрызены и приведены в полную негодность.

Свалившееся изобилие требовало перераспределения ресурсов. Во-первых, я усилил команду веревкоплетов. Крапивы поблизости уже не было, приходилось высылать экспедиции на ее сборы. Вследствие дефицита материала приходилось расплетать порванные веревки. Звучит забавно, но я изобрел первый пункт приема вторсырья.

Охотники больше не носились по полям, загоняя дичь, а расставляли и проверяли силки. У племени появилось свободное время и запасы мяса. Если время отдыха использовалось мною

для обучения языку, а впоследствии – и счету до десяти, то с запасами надо было что-то делать. Мясо портилось.

Солить или вялить. Других идей мне в голову не приходило. С солью все еще были проблемы, так как проклятый «ханан» не позволял перепоручать ее. Оставалось попробовать сушку мяса. Я вялил куски на солнце, вешал их в сухой пещере, раскладывал на разных уровнях над костром и коптил в дыму. Последний способ оказался наиболее эффективным. После пары недель подобных попыток удалось сделать продукт, который не портился целый месяц. Несмотря на то, что мясо получилось жестким, как палисандр, его все-таки можно было съесть в случае крайней нужды. Особенно хорошо коптились олень и кабан. Остальных зверушек мы употребляли в пищу сразу в вареном или жареном виде.

Племя почти полностью перешло с сыроедения на мои рецепты, а я обучил готовке двух женщин, которые теперь занимались обеспечением двухразового питания. Был введен режим: еда до полудня и перед темнотой. В этот момент вся большая семья собиралась около стола. Женщины смотрели на меня с восхищением – благодаря мне они впервые стали нормально питаться. Для супа были сделаны тарелки. Из дерева выдолблено что-то похожее на поварешку. Пищевая ступень пирамиды Маслоу была мною если не полностью, то в большей части пройдена.

Глава 8

Параллельно с началом использования силков я начал изучать плетение из веток. Первый же попавшийся в снасть заяц навел на мысль о ферме, а, значит, мне нужны были изгороди. Как и в большинстве случаев, внедрение искусства плетения прошло по стандартной схеме. Выбор материала, постижение мною азов, оптимизация процесса, доведение его до автоматизма, обучение нескольких человек из племени, и в финале – получение конечного продукта при полном делегировании и периодическом контроле.

В середине февраля в загоне прыгали и грызли изгороди около двадцати зайцев. Как и следовало ожидать, в одну прекрасную для ушастых пленников ночь все они сбежали. Надо было придумать что-то покрепче. Но что? Не каменный же забор выстраивать. Идей не было, так что пока я не нашел ничего лучше, чем сделать двойную ограду. Как только заяц оказывался в буферной зоне, дикарь бросался чинить первую линию обороны.

Женщины и дети освоили лозоплетение и навалились на процесс. После изгородей, наловчившись, я сплел корзину, приделав к ней ручку из веревки. Так у племени появилась альтернатива мешкам из шкур в виде больших и прочных лукошек.

Одомашнивание зверья стало моей основной задачей. Были построены крепкие изгороди для диких поросят, которых мы нашли рядом с угодившей в силки матерью. Из них я надеялся организовать свиноферму. Были также сделаны вольеры для диких коз, но они, увы, пустовали. Козлы не ходили по лесу тропами, а в камнях мы не могли нормально закрепить силки. Много раз мы находили их сорванными, но я не оставлял надежды все же поймать козу, что дало бы возможность в итоге получать молочные продукты. К сожалению, неуловимые парнокопытные жили в горах, в трех-четыре часа ходьбы, и делать бесплодные вылазки охотникам очень не нравилось. Проще было наставить ловушек в радиусе пяти километров и практически гарантировать себе добычу.

Дней через десять бесплодных попыток попался первый козел. Но впоследствии удача отвернулась от нас окончательно. Коз не было.

В один из праздных дней, когда запасов стало столько, что племя даже решило устроить себе выходной, я неожиданно подумал: а не пришла ли пора спорту войти в жизнь доисторического человека? Надо было чем-то занять появляющихся бездельников и компенсировать потерю физической активности для воинов после внедрения силковой охоты...

Сказано – сделано! Мною были устроены своеобразные «Олимпийские игры». В разряд дисциплин попали бег, метание камней с помощью камнеметалки, поднятие тяжестей и подтягивание. Победители получали переходящие знаки отличия вроде лисьего хвоста или большого волчьего зуба на шнурке, которые они носили с превеликой гордостью. Туземцам нравилось соревноваться, в них пробуждался неукротимый дух соперничества. Популярность спорта стала столь высока, что впоследствии была организована даже «детская лига». На лицах дикарей все чаще появлялись улыбки, до этого возникавшие лишь только после удачной охоты.

Еще одна потребность человека была удовлетворена. На этот раз психологическая, а не физическая, и это было невероятно здорово. Все складывалось довольно гладко: прогресс в моем племени шел со скоростью тысяча лет в неделю, болезни не беспокоили, зима заканчивалась, а поле все-таки дало всходы. Умение делать веревки, горшки и плетеные вещи неуклонно совершенствовалось. Но стоило лишь подумать о том, что все складывается хорошо, как судьба моментально давала понять: расслабляться нельзя.

В начале марта меня разбудили панические крики. Поняв, что происходит нечто страшное, я, даже не думая об опасности, выскочил из своего домика. В слабом свете еле горевшего костра племя врассыпную разбежалось от пещеры, в которую лез проснувшийся после голодной зимы здоровенный медведь. Я схватил охапку заготовленных сухих крапивных волокон и бросил в костер. Пламя резко осветило площадку около пещеры, и косолапый испуганно шарахнулся в сторону. Мое появление несколько успокоило дикарей, и мужчины стали окружать хищника, обращая в его сторону копья. Медведь рычал и огрызался, решительно отбивая лапой робкие попытки ткнуть его оружием. В какой-то момент он бросился на прорыв, повалив одного из дикарей и мгновенно вцепившись в него жуткой клыкастой пастью. Пользуясь тем, что хищник на секунду отвлекся, Тыкто подскочил сзади и с размаху ударил топором по медвежьему затылку. Топор разломился, камень с хрустом отлетел, но удар оказался оглушающим. Потапыч обмяк, и дикари моментально добились его копьями.

Можно было оценивать последствия. Подбросив дров и добившись, наконец, нормального освещения, я выяснил, что, пробираясь к пещере, зверь успел задрать одного калеку, лежащего возле входа. Только теперь я понял, какой естественный отбор предполагал Тыкто, раскладывая увечных в первых рядах. Второй воин погиб при прорыве кольца окружения. Больше потерь не было.

Наутро я увидел обряд захоронения. Тела, завернутые в шкуры, туземцы отнесли на восток. Примерно в паре километров от нас находилась еще одна небольшая пещера, куда сложили убитых, прижав их колени к груди. После проводов в царство вечного сна тела завалили камнями. Пещера была хотя и небольшая по диаметру, но довольно глубокая, и было видно, что каменные могилы уходят далеко вглубь. Этому кладбищу была, возможно, не одна сотня лет. За исключением накрывания шкурами и складывания тела в позу спящего, у обряда не было никаких дополнительных ухищрений вроде подкладывания оружия или бус, песен или плача. Человек просто отправлялся спать в другой мир.

Я уже собрался уходить, когда неожиданно Тыкто показал на могилу и начал что-то объяснять. Пантомимы вождя были бездарны необычайно, и мне потребовалось несколько минут,

прежде чем я, наконец, понял, что он хотел донести. Оказывается, трупы заваливали камнями для того, чтобы мертвец не смог вернуться. Оригинально. Не это ли суеверие привело к появлению обряда захоронения под землей?

Мы вернулись в лагерь. Потеря полноценного бойца была крайне неприятной – сильных рук часто не хватало. Любимая поговорка Седого гласила, что после любого события нужно сделать выводы и принять меры, что и было исполнено. С этого момента у костра дежурил часовой, который поддерживал огонь достаточной силы, чтобы освещать все вокруг. Это должно было не только давать возможность наблюдать за окрестностями, но и отпугивать диких зверей. По крайней мере, больше нас никто не беспокоил.

Еще неделя, и весна окончательно заполнила собой все вокруг. Зайцы принесли первый приплод, к кабанчикам добавился еще один пойманный выводок, а ко мне в руки попал волчонок. Я ждал этого момента, и с самого начала строго-настроено запретил туземцам убивать маленьких волков, попадавших в ловушку. Из-за чего, к слову, мне часто притаскивали вполне себе взрослых и злых особей. Но на этот раз это был двухмесячный щенок. Заперев его в загоне и потчывая мясным бульоном, я вскоре добился, что он узнавал меня и разрешал играть с собой. Вскоре появился еще один щенок – самка. Туземцы с удивлением смотрели, как я вожусь с волками, и, видимо, приписывали это умение все той же божественной силе, которая позволяла мне добывать огонь и лазить в море. Наличие пары разнополых щенков давало надежду, что волк не убежит в лес, когда ему захочется создать семью. Я с детства хотел иметь собаку...

Глава 9

В конце марта мы с Тыкто и его отрядом двинулись в горы, чтобы еще раз проверить силки на наличие коз. Находясь на открытой местности, все заметили вдалеке какое-то движение. Через несколько секунд Тыкто засуетился и обеспокоенно обратился ко мне:

– Воин. Топор. Много, – нашел он правильные слова.

Это были охотники другого племени. Судя по тревожному настроению Тыкто, встреча не предвещала ничего хорошего. Вероятно, мы зашли на их территорию. Чужие дикари тоже заметили непрошенных гостей и теперь быстро приближались. Из оружия у нас была лишь пара копий, дубинки и камнеметалки. Но, несмотря на то, что отряд Тыкто состоял всего из десяти человек, а мчавшихся на нас дикарей было около тридцати, я решил принять бой.

– Бросать камень, – сказал я всем, а сам полез за пазуху за клоком сухой травы. Я давно носил ее на случай, если придется разжигать костер вдали от дома в сырую погоду. Теперь она была как нельзя кстати.

На наших «Олимпийских играх» мы уже больше месяца использовали гальку в качестве снарядов. Благо, на берегу она имелась в изобилии. У каждого воина было около двадцати камней размером с большое яйцо, которые лежали в заспинных мешочках из шкур. Эти рюкзаки сшили женщины, используя костяные иглы и нитки из крапивы, и в них туземцы кроме гальки носили запас копченого мяса и воду, обеспечивая себе тем самым возможность не возвращаться в лагерь в течение нескольких дней.

Мы приготовились к бою. Снаряды были выложены у ног, бойцы растянулись в цепь и зарядили камнеметалки. После многочисленных тренировок они попадали в глиняную тарелку в половине случаев с расстояния пятидесяти метров и практически наверняка с дистанции в тридцать шагов и ближе. Перезарядка занимала менее двух секунд. Получается, мы успеем сделать не более трех максимально результативных бросков, пока вражеское племя не подбежит на расстояние ближнего боя. Если повезет, – наши силы сравняются.

– Кидать голова! – крикнул я, когда до туземцев оставалось около ста метров. Мы дали первый залп.

Двое дикарей свалились с разбитыми лицами, остальные продолжали бежать, размахивая топорами. Тут же полетели новые камни, на этот раз уложив троих. Еще залп – еще пятеро. Несколько человек удивленно притормозили, видя, как падают их товарищи. Я зажег пучок травы.

Мои успели выстрелить еще раз, свалив пятерых, когда я быстро вышел вперед с горящей паклей в руке и что есть силы закричал:

– Ааато!

Оставшиеся десять бойцов остановились, словно налетели на стену.

– Нет кидать! – сказал я своим, понимая, что, выстрелив сейчас по неподвижным мишеням, они могут уложить всех разом. У меня была другая идея. До дикарей оставалось метров двадцать, и я уверенно пошел прямо на них. Я двигался вперед, словно ожившая Статуя Свободы, держа перед собой пучок горящего сена. Пламя страшно жгло руку, но надо было доигрывать до конца.

– Кава! – стукнул я себя в грудь свободной рукой, что на языке наших туземцев означало «божество». Надеюсь, у врагов схожие диалекты с моим племенем.

Мои чаяния были не напрасны. Один из дикарей что-то сказал братьям, и они плюхнулись на колени, сев на пятки, точь-в-точь, как сидел Тыкто, когда впервые увидел меня. Заметив, что сено догорает, я хлопнул в ладоши, потушив огонь и вызвав сноп искр.

– Кава! – повторил я, ударив себя в грудь.

Дикари смотрели на меня с первобытным страхом. Можно было развивать ситуацию.

– Сказать они: Кава хотеть глаз их вождь, – попросил я Тыкто. Я с самого начала не стал мудрить и нагружать язык падежами, поэтому изъяснялся инфинитивами. Этого вполне хватало для выражения всех моих пожеланий, но вместе с тем превращало русский язык в какое-то извращение. Порой я даже ловил себя на мысли, что, разговаривая сам с собой, тоже коверкаю слова.

Тыкто перевел.

Туземцы послушно поднялись с колен и, озираясь, направились в сторону гор. Я отправил одного своего солдата обратно в лагерь, чтобы предупредить о произошедшем, и наша группа двинулась следом за побежденными. Покалеченные туземцы вставали, потирая голову. Многие были со сломанным носом, выбитым глазом или зубами. Трое остались лежать. Я потрогал пульс у каждого – все были живы. Тыкто приказал нашим новым знакомым взять их с собой, и три тела поехали в лагерь на плечах у своих соплеменников.

Через три часа ходьбы мы преодолели перевал и подошли к пещере чужаков. Уже изда-лека стало понятно, что их племя было существенно больше нашего.

– Много воин, – сказал я тихо Тыкто.

– Кава убивать нет, – успокоил он меня.

Навскидку в стойбище насчитывалось человек двести. Многие высыпали навстречу и, увидев чужаков, схватились за оружие. Несколько человек побежало к нам, но побитые дикари быстро предупредили, что агрессию проявлять не стоит.

– Сказать им, – обратился я к Тыкто, – я – Кава. Я – хорошо. Убивать – нет.

Судя по всему, язык Тыкто понимало довольно много чужаков, включая их вождя. Вероятно, на протяжении веков между племенами проходили кровосмешения, подумал я. В дальнейшем эта догадка подтвердилась.

После того, как меня представили, я взял зажигалку и чиркнул. Мрачная тень от горы придала дополнительный эффект моим действиям: пламя было отлично видно. Затем я поднял с земли сухие листья и поднес их к огню. Из рук повалил белый дым. Туземцы отшатнулись, как от нашатыря.

Я осыпал себя тлеющими листьями и стукнул кулаком в грудь, еще раз крикнув:

– Кава!

Сомнений в этом, похоже, больше не возникало.

– Сказать им: Кава давать еда, – кивнул я Тыкто, – много еда.

Пока он переводил, я бросил к ногам вождя двух зайцев, пойманных нами накануне.

– Цага, – кивнул я.

Их вождь был старше Тыкто. На вид – лет сорок. Сильно морщинистый и уже седой. На нем была накидка, сшитая из кусков козьих шкур, и длинные меховые чулки в виде цилиндров. Нитками служили тонкие сухожилия. Чулки были подвязаны к поясу, сделанному из кожи и надетому на набедренную повязку. Из-за того, что это племя обитало выше в горах, им приходилось одеваться теплее. По сравнению с ними наши воины казались почти голыми. Подле вождя супили брови двое молодых воинов, вооруженные маленькими топориками. Один из них утащил зайцев к пещере и быстро вернулся.

– Сказать им: вождь, он и он – идти наш хэв, – попросил я Тыкто, указав на эту троицу.

Тыкто чуть задумался и старательно перевел.

Двое молодцов около вождя, услышав просьбу, ощетинились, схватившись за рукоятки топоров. Один из них что-то возмущенно крикнул.

– Давать цага. Еда много. Нет убивать, – добавил я.

Вождь чужаков быстро обменялся со своим племенем короткими словами, резко отбросил руки молодцов с рукояток топоров и, сделав шаг вперед, что-то сказал.

– Ыката идти вместе с Кава, – перевел мне Тыкто.

Я кивнул и, развернувшись, пошел в нашу сторону. Скоро начнет темнеть, и надо было спешить. Дерзкие молодые люди и вождь нового племени пошли за нами, прихватив с собой двух девушек подросткового возраста.

– Цага, – тихо сказал мне Тыкто и заговорщически улыбнулся.

Глава 10

Мы быстро шагали по горам и уже вскоре миновали перевал. Спустившись, группа продолжала идти по равнинной местности, смотря на заходящее справа солнце. Иногородние туземцы то и дело поглядывали на наших бойцов, с интересом изучая палки – металки и рюкзаки за спиной. Заметив, что их вождю Ыкате непросто дается быстрый темп, и он немного прихрамывает, я остановил шествие и попросил Тыкто дать ему воды.

Он достал из рюкзака флягу и предложил коллеге.

– Вода, – сказал я, – пить.

Тыкто перевел, но Ыката стоял без движения, как восковой. Тогда Тыкто запрокинул голову и вылил себе в рот добрую треть, после чего снова протянул флягу вождю. Тот взял с большой опаской, но все же сделал несколько жадных глотков. Молодцам, которые, по-видимому, являлись детьми вождя, я воды не предложил. Эти Чук и Гек, как я их окрестил, были вполне здоровыми и сильными. Нечего баловать. Девушки тоже не выглядели уставшими.

Мы продолжили поход. Чук и Гек постоянно держались возле Ыкаты, почти касаясь его, а такое поведение характерно лишь для близких родственников. Любопытно, думал я, если это действительно сыновья вождя, то их семейный уклад отличается от нашего. У моего племени отец не знает своего ребенка; точнее, не отождествляет себя с ним. Женщины жили обособленно, и кому с кем быть – распределял вождь, часто в качестве награды после удачной охоты. Поэтому, если ты неудачник, – считай шанс оставить потомство невысоким. Вождь мог запретить подходить к какой-либо женщине, потому что считал ее своей. Строго говоря, отцом как минимум половины детей был сам Тыкто. У этих же, если допустить, что парни и вправду дети вождя, общество больше походило на семью. Наверное, это следующий шаг эволюции – обретение чего-то своего, родного... Впрочем, я не планировал социальных революций, поскольку меня не сильно волновало, кто с кем спит: лишь бы работало делегирование, осуществляемое мною через Тыкто. А оно, в условиях существующей субординации, работало отменно.

Интересно, что мне никто не предлагал жену. Еще более удивительно, что за четыре месяца нахождения здесь ни один из туземцев добровольно не дотронулся до меня и не взял что-либо из моей руки. Все происходило через землю: я положил – они взяли. И наоборот. Видимо, табу на прикосновение к Кава само собой подразумевало, что и местным женщинам меня касаться не следует. Ну и ладно. Положа руку на сердце, имеющийся в племени контингент меня все равно не привлекал.

В размышлениях о семейных ценностях я не заметил, как мы подошли к лагерю. Было уже совсем темно, и полыхающий костер заставил наших гостей остановиться.

– Скажи им: Кава велит не бояться, – попросил я Тыкто.

С осторожностью неопытного укротителя туземцы подкрались к нашей пещере и очагу. Чук и Гек, озираясь, держались отца. Девушки семенили следом, прижимаясь к земле. Вождь хотя и вел себя более достойно, но было видно, как тяжело ему это дается.

– Сидеть тут, – показал я на шкуры, расстеленные метрах в пяти от огня.

У очага было тепло, и туземцы сели на колени, поглядывая то на меня, то на потрескивающие ветки. Наша королева-мать, как я ее про себя называл, быстро забрала девушек и отвела в женский угол пещеры. Похоже, чужие женщины в племени не такая уж редкость. Остальные члены большой семьи стояли поодаль и с интересом смотрели на новых гостей. Они уже были предупреждены о встрече с соседним племенем, но все равно визит чужаков – событие незаурядное, и никто не спешил уходить в пещеру.

Я попросил принести мужчинам воды и бульон, а также жаренное на палке мясо. Все это женщины поставили перед нами, шустро накрыв стол. Показав пример и дав устные указания

через Тыкто, я начал трапезу. Мужчины брали приготовленную еду осторожно, словно саперы, но в итоге съели все без остатка.

– Кава приносить огонь с солнца, – начал разговор я, и мой синхронист включился в беседу.

– Кава делать еда с огонь, – я показал ладонями на их пустые пиалы и тарелки.

– Кава давать цага. Не убивать. Не враг.

В нашем общении не было слова «друг». Выражения «не враг» было достаточно. Теперь, похоже, надо будет ввести этот термин в обиход.

Пришлый вождь неотрывно смотрел на меня, и было видно, что страх постепенно уступает место любопытству.

Решив, что для начала впечатлений уже достаточно, я отправился спать. Гости, естественно, не сомкнули глаз, смотря всю ночь на танцующие языки пламени. Моим воинам тоже пришлось сидеть рядом и сторожить их. Так, в безмолвном бдении, они и просидели до самого утра.

Едва рассвело, я устроил экскурсию, показывая быт образцово-показательного первобытного племени. Были продемонстрированы гончарный цех в виде Тома и двух женщин, которые сидели на земле по локоть в глине. Также дорогим гостям были показаны кроличья и свиная фермы. Высоких похвал заслужил волчий загон, где иностранная делегация с восхищением отметила мое умение общаться с дикими животными. После продолжительной экскурсии гостей ждал обед из двух видов супа, шашлыков из дичи и нежной зайчатины. Рыбу я давать не рискнул, так как не знал, есть ли у них ханан. А подсовывание запретной пищи могло выглядеть подло в глазах Тыкто.

После обеда мы пошли в лес и вытащили из силков несколько зайцев. Туземцы долго крутили в руках петли, выражая крайнее удивление нехитрым, но эффективным способом ловли.

Презентация уклада, как мне показалось, превзошла все возможные ожидания. Их вождь оказался очень любопытным. Пока я только размышлял, как правильно показать ту или иную вещь, он уже протягивал к ней завидующие руки. За что вскоре и получил ожог пальцев, засунув их в большой горшок с кипящим супом.

Прошла еще одна ночь, когда гости уже позволили себе уснуть.

Наутро настала пора договариваться о товарных отношениях. Мое предложение, звучавшее как не обсуждаемое условие, было следующим:

– Вождь Ыката и Чук идут обратно, и затем Чук возвращается к нам вместе с двумя мужчинами. Четверо из племени Апачи (так я решил назвать их прайд, чтобы отличать в разговоре) начинают работать здесь. Каждые пару дней двое людей берут еду и несут в лагерь апачей, затем возвращаются. Еще через два дня другая пара так же относит еду к себе и приходит обратно.

Предложение было обсуждено раз шесть, пока я не убедился, что вождь апачей его понял. В дорогу мы дали им рюкзаки с флягами бульона, жареное и копченое мясо, запеченных птиц. Нагрузили столько, сколько мужчины смогли унести. Невзирая на ворчание Тыкто, мы подарили в ответ двух девушек из своего племени. Смешанные браки полезны для генетики, решил я.

Через день Чук, сдержав обещание, вернулся с двумя воинами. Один из них был из числа тех, кому мои бойцы подбили лицо, и огромный синяк на всю щеку сразу позволял узнавать его среди прочих соплеменников. Битый зло смотрел на меня исподлобья, но я не придавал этому значения. Нечего было тогда махать топорами.

Пришельцы апачи стали интенсивно втягиваться в уклад племени. Обязательными были час языка утром и вечером, обучение метанию камня, постановке силков. Мой план заключался в следующем: отправляемые обратно станут рассказывать о жизни своему племени, укрепляя веру в необходимость дружбы и сотрудничества. Но главный прорыв случился там, где я совсем не ожидал.

У апачей не было ханана на море. Чук и Гек вообще его никогда не видели. Их жилище располагалось примерно в сотне километров от берега. Убедившись в том, что никакие предрассудки не мешают апачам окунаться в соленую воду, я быстро обучил их собирать моллюсков, ловить рыбу и приносить ее в плетеных корзинах в наш лагерь.

В первый же вечер после успешной рыбалки я очистил приготовленного караса от костей и демонстративно съел вместе с новыми работниками.

– Ханан нет! – сказал я Тыкто набитым ртом. И впервые увидел в его лице сомнение. Вождь молча поджал губы и отвернулся.

Поняв, что мои свежие кадры незаменимы для работы с морем, я направил их именно на этот участок. Им не было смысла ночевать в лагере, поэтому со временем Чук, Гек и команда обосновались на берегу. Каждые три дня они приносили большую корзину рыбы, забирали новые снасти, отдавали порванные в починку и, после приготовления рыбы, захватив немного мяса, двигались в сторону своего племени. Экономический эффект от ребят был не шибко велик, если учесть, что тыктовцы рыбу не ели, однако мое личное время они сэкономили. Впрочем, уже вскоре представился отличный случай ослабить ханан.

Как-то после ужина я устало смотрел на полную луну и вдруг увидел, что ее край начинает закрываться тенью. Историю о том, как какой-то известный мореплаватель превратил затмение в шоу, я слышал еще в школе, так что идея родилась мгновенно.

Я созвал племя и, показав на приготовленную рыбу, сказал:

– Море – Ханан. Но рыба – не ханан.

Тыкто презрительно смотрел на меня и упрямо молчал.

– Если рыба ханан – луна нет! – произнес я свой ультиматум и ткнул пальцем в небо.

Туземцы с удивлением и ужасом стали смотреть, как от Луны остается половинка, а затем и тонкий серп. На мое счастье, лунное затмение было почти полным.

– Рыба не ханан! Ешь! – закричал я.

Тыкто подошел к тарелке, еще раз взглянул на небо и взял небольшой кусочек белого мяса.

– Ешь! – я смотрел на него максимально суровым взглядом, когда-либо мне удававшимся. Думаю, Седой, увидев эту картину, поразился бы преображению моего кроткого характера.

Тыкто положил кусок в рот и стал жевать с большой осторожностью, будто пробовал битое стекло. Поняв, что земля не разверзлась, челюсти вождя задвигались быстрее, и, наконец, он заставил себя проглотить запретную пищу.

Прошло несколько долгих минут и луна начала увеличиваться в размерах.

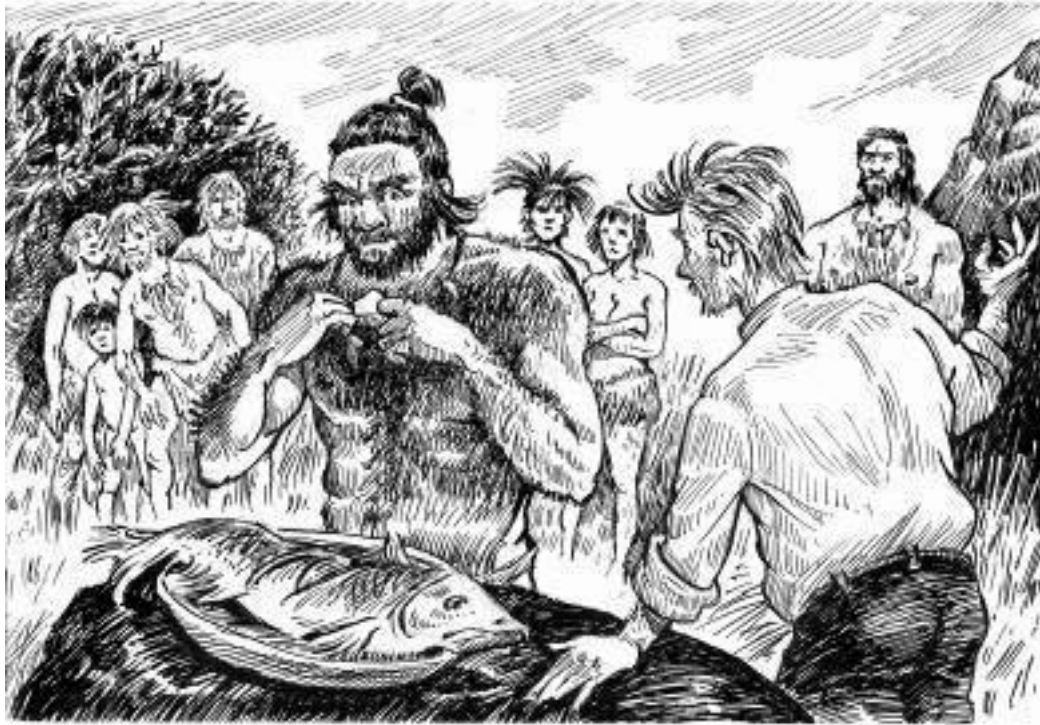
– Ханан рыба – нет, луна – есть, – кивнул я на небо.

Тыкто понимающе согласился.

– Ешьте, – велел я остальным.

Все стояли не шелохнувшись, пока Тыкто не благословил их трапезу коротким словом. Мужчины рванули к столу. Видно было, что многие уже давно хотели послать ханан к чертям, но позиция вождя была непоколебима. Дикари ели рыбу жадно, словно голодные каторжники, поминутно напарываясь на кости. Пришлось сделать паузу и провести очередной инструктаж по безопасному питанию.

Экономический эффект от Чука и Гека резко вырос. Запасы рыбы накопились к тому времени такие, что заводь просто кишела, и я даже собирался остановить лов. Но теперь у нас начались «рыбные дни». Кроме супов и жарки, я немедленно начал готовить рыбу для долгого хранения, натирая ее солью и оставляя в горшках. Такая же участь постигла и мясо. Туземцы на берегу могли добывать достаточно соли для того, чтобы поставить консервирование продуктов на поток. Бедный Том работал в две смены, вылепливая глиняные ведра. Запасы непортящейся еды стремительно росли.

Глава 11

Через месяц я решил снова навестить вождя апачей. Чук столько раз спрашивал, когда Кава снова окажется в его родных местах, что дальше игнорировать подобные намеки я уже не мог. Собрав свой отряд, подарки в виде еды и фляг с бульоном, а так же взяв около пятидесяти метров веревки, я двинулся в сторону гор.

В то время я уже осмеливался выпускать Клыка, а затем и Когтя (так я назвал щенков) на волю. Им было почти четыре месяца, и они откликались на свои клички, радостно прибегая на зов. Волчата свободно бегали по лагерю, воруя плохо лежащие кости, но теперь им предстояла первая серьезная вылазка на столь большое расстояние.

До лагеря апачей было около восьми часов бодрого ходу, поэтому выйдя рано утром, мы прибыли уже после обеда. Вождь радостно встретил нас, упав на колени и раскинув руки. Все племя также почтительно село на пятки при виде Кавы.

Раздав цагу, мы опустились на землю друг напротив друга. Я ничего не говорил и молча ждал диалога. Расчет оказался верен.

– Ыката спрашивать, можно давать вопрос? – Тыкто перевел слова вождя, робко нарушившего тишину.

– Кава слушать вопрос Ыката, – подтвердил я готовность к разговору.

– Ыката спрашивать: давать Кава огонь Ыката? Ыката давать Кава много цага, жена, шкура.

Я строго посмотрел на старика и замолчал. Мне стоило большого труда выдержать такую театральную паузу. Невольно вспомнилась игра «Цивилизация», где начинаешь вымогать у слабой расы максимальный выкуп за то, что поделишься с ней технологией. Эта мысль чуть было не заставила меня улыбнуться. После МХАТовского молчания я заговорил.

– Кава давать огонь Ыката. Но цага Ыката будет такая.

Я предвидел этот разговор, и у меня был четкий план, чего именно следует просить.

– Племя Ыката дает племени Тыкто два рука мужа и два рука жена. Они работать и давать еду племени Ыката.

Я говорил медленно, жестами показывая то на представителей одного племени, то на другого. Вождь смотрел на меня без тени возражения.

– Племя Тыкто дает три мужа и одна жена для племени Ыката. Они ловить зверь, стеречь огонь, готовить еда и учить говорить язык Кава, – закончил я свое условие.

Вождь не стал медлить с ответом.

– Ыката давать что хотеть Кава, – перевел его слова Тыкто, и я, наконец, улыбнулся.

На следующее утро мы выдвинулись обратно в свой лагерь, взяв с собой двадцать человек из апачей. Но, не пройдя и получаса, я потерял Клыка. Он погнался за какой-то мелкой зверюшкой в сторону высоких гор и никак не реагировал на мои истошные крики. Пришлось идти его искать. Примерно через пару километров пути я услышал вой, и Коготь рванула в его сторону. Клык, сам испугавшись одиночества, радостно прибежал и принялся с остервенением лизать мои руки.

Мы сильно отклонились на северо-восток, зайдя в горы, которые, по внешнему виду, заметно отличались от тех известняковых, по которым мы обычно ходили. Такое впечатление, будто в этом месте был разлом, и гора вывернулась наизнанку, показав черно-коричневые внутренности. Наполняя фляги, я заметил, что дно маленького ручейка, стекавшего с вершины, имело зеленоватый цвет, и это поселило во мне надежду.

– Гном искать камень Кава, – объяснил я Тыкто вынужденную задержку и пошел вверх по течению ручья.

Через два часа поисков я нашел то, что искал. Красноватый с зеленой камень выступал из скалы. Я отбил его топором, и в моей руке оказался кусок самородной меди, граммов на двести весом. Это находка так взволновала меня, что я отправил основной отряд с людьми апачей в наш лагерь, оставшись с Тыкто и двумя бойцами. Им я приказал искать такую же медь, а сам принялся за дальнейшее изучение горы.

Похоже, нам придется здесь заночевать, решил я, когда через несколько часов поиска нашел тяжелый поблескивающий чернотой остроугольный валун и отколол от него небольшой кусочек. Так же я набрел на кристаллы темно-коричневатого цвета, отдававшие блеском. До наступления темноты я собрал около десяти образцов, которые, по моим подозрениям, могли быть рудой каких-то металлов. Больше всех туземцев впечатлил желтоватый минерал, переливавшийся голубой радугой, как бензиновое пятно на воде. Переночевав в горах, я продолжил геологические изыскания. Найдя еще с десятков различных кусков скалы, имеющих хоть какой-то блеск, я двинулся обратно. Мне хотелось бежать! Если удастся получить металл, то... чего только не сделаешь. Рюкзак с камнями больно бил по спине, но я не чувствовал этой боли. Впереди маячил медный век, и я торопился в него вступить.

Наступил май. Работы предстояло невпроворот, учитывая мои надежды на получение металла уже в ближайшем будущем. Через пару месяцев должны поспеть колосья, которые на вид были двух культур. Хорошо было бы успеть к тому времени сделать серп. Впрочем, какой там серп! Выковать бы для начала простой гвоздь. Еще надо готовить новое большое поле под посев. К тому же, я не оставлял надежды поймать коз. Короче, занятий хватало.

Свиньи выросли, зайцы давали новый приплод, и людей на мою ферму требовалось все больше и больше. Для этого оченьгодились женщины из племени апачей – я увеличил штат поваров, фермеров, добытчиков сырья для веревок и, главное, собирателей дров. Женщины и дети могли таскать только палки и небольшие поваленные стволы. А так как в ближайшей округе все давно собрали, то эффективность добычи дров постоянно снижалась. Успокаивало только, что наступившие теплые дни не требовали большого очага. Но ведь предстояла плавка руды. В общем, люди апачи были очень кстати.

Я начал готовить место для плавки. Честно говоря, этот процесс для меня являлся большой загадкой, так как в голове имелось лишь общее и весьма размытое представление о технологиях получения металла. Единственный самородок меди через холодную ковку превратился в подобие неровного ножа. Точнее, пластины, которую я заточил с одной стороны, но ею уже можно было резать. Камень Кавы поразил Тыкто, когда он увидел, как ловко я разделяваю рыбу новым инструментом. Но, судя по всему, самородная медь была большой редкостью. Трое бойцов, отправленные в горы четыре дня назад, вернулись с множеством кусков радужного камня, но ни одного самородка среди них не было. Придется все же плавить.

Я сделал конусообразную яму, выложив ее глиной. После того, как она подсохла, той же глиной был выложен еще один слой высотой десять сантиметров. Получилась воронка примерно семидесяти сантиметров в диаметре и тридцати в глубину. Затем я разжег в яме костер и добился, чтобы она полностью заполнилась горячими углями. После этого положил наверх три кусочка радужного камня и прикрыл все новыми дровами.

Очевидно, что в огне при нормальных условиях плавятся только свинец да олово. Это мне было известно еще из босоногого шаловливого детства. Поэтому я пока не представлял, как можно выплавить металл из руды на простом костре. Но ведь люди его как-то получили? Чем я хуже?

Я поставил двух дикарей, которые начали нагнетать воздух размахивая шкурой. Каждые двадцать минут они, будучи все в поту, менялись на других рабочих. Было дьявольски жарко. Примерно через четыре часа угли окончательно прогорели, и я решил посмотреть, что

же получилось. Перебрав золу, увидел, что крупные куски, размером с кулак, практически не изменились, разве что поменяли цвет на более серый. А вот мелкий, размером с орех, превратился в подобие шлака и стал гораздо легче. В низу печи, на растрескивавшейся глине, лежала слезинка меди. Капля оказалась перемешана с золой, из-за чего я чуть не пропустил ее, но сомнений не было. Отмыв слиточек и расплющив его камнем, я убедился, что держу в руках маленький кусочек красного металла. Это была победа, хоть и локальная. Я получил ответ только на один, зато принципиальный вопрос: возможна ли выплавка меди на костре? И этот ответ был «да».

Нерешенными пока оставались следующие проблемы: печь трескалась, и жар уходил, большие камни не плавилась, неясно было, как отделять медь от золы. Кроме того, надо проверить остальные образцы камней.

Гончарное производство встало. Шестеро махальщиков постоянно дежурили у ямы. Глину приходилось каждый раз перекладывать заново – она не выдерживала температуры и трескалась после каждой плавки. Нужен был другой сорт, потому что эта, белая, подходила, похоже, только для керамики.

Всего я выделил семь типов камней, которые походили на руду. Синий радужный был рудой медной. Тяжелый с блестящими крупными кристаллами оказался свинцом и плавился спокойно, без махальщиков. Коричневые кубические кристаллики оплавившись в олово. Остальные камни, как я ни пытался, ни во что не превратились. Или руда оказалась бедная, или температура не достаточно высокая, или это вообще была не руда.

Мои увлечения прогрессом настойчиво твердили мне: нужен новый визит к Ыкате. Две недели назад я, как и обещал, отправил к нему женщину и трех мужчин с горшками горячих углей. Женщина должна была обучить племя готовке на костре. Один из мужчин сносно говорил по-русски и был призван помимо охоты преподавать азы языка. Еще двое – охотники, расставлявшие силки и следившие за очагом, походя объясняли принципы обращения с огнем.

Мы вновь были встречены весьма дружелюбно. Племя апачей вышло на качественно новый уровень жизни, победив вечное недоедание. Как и в нашем племени несколько месяцев назад, женщины и дети перестали есть коренья, жуков и ящериц, перейдя на рыбу и мясо. Еды все еще было мало, так как сейчас в племени проживало около ста семидесяти человек (за вычетом тех двадцати четырех, живущих у нас), а горные ресурсы давали в основном козлов, косуль и иногда буйволов, поимка которых могла быть только загонной и удавалась крайне редко. Обычно около сорока воинов и тридцати человек молодняка занимались ежедневной бегом за дичью, но сейчас дюжина бойцов ходила с моими командировочными по силкам, постигая новую науку.

Я принес им двенадцать живых зайцев для того, чтобы апачи устроили с помощью моих миссионеров такой же загон, как и у нас. Затем предложил им работу, не связанную с охотой. Должностные обязанности оказались нехитрыми: апачи приносят мне камни тех типов, которые я показал, а взамен уносят еду. Если человек приносил одну корзину руды, то в обмен получал две большие корзины снеди.

Ыката покивал, так как не видел проблем, почему бы не поменять странному Каве пусть и необычные, но непригодные для пищеварения камни на вполне съедобную еду.

Мне пришлось потратить весь день, чтобы показать апачам, как искать подходящие минералы, как кремневыми топорами отбивать от скалы нужные куски, и какой камень не подходит. Процесс добычи руды открытым способом начался. Со временем около пятнадцати мужчин, назначенных Ыкатой, стали работать в горах, так как в этом случае эффективность добычи еды для племени была куда выше, чем при охоте. Куча камней в моем лагере росла, но я не оста-

навливал «закупки» руды несмотря на то, что еще не научился ее плавить. Еды у нас полно, а сырье когда-нибудь, да пригодится. К тому же, собрав камни с поверхности, апачи стали приходить гораздо реже, порой принося всего одну корзину в три-четыре дня.

Общаясь с туземцами из другого рода, я узнавал все больше любопытных деталей. Новое племя не только знало своих родственников, но и отличалось еще одной интересной особенностью. Апачи были очень искусные кожевники. Из кожи и шкур женщины шили одежду и обувь мужчинам на зиму. Температура в горах была ниже, чем в нашем лагере, и это умение, видимо, развилось за столетия. Апачи дубили шкуры буйволов, получая плотный материал, шили накидки на плечи из мягкой козлиной кожи. Протыкая кожу костяными иглами и сшивая кусочки жилами, получали порой достойные вещи. Моя крапивная веревка сделала их еще более аккуратными.

Имея под рукой ателье, я, не долго думая, заказал себе сапоги. Ботинки за полгода ходьбы по горам почти полностью развалились. Удивительно, что этого не произошло раньше. Все-таки итальянцы знают толк в хорошей обуви.

Итак, я обеспечил поставки руды на участок. Осталось решить проблему с жаростойкой изоляцией. Расширяя круг поисков, я, наконец, нашел то, что искал: торец обвалившейся скалы с красной глиной внизу был найден в трех километрах к северо-востоку от лагеря. Опыты с ее обжигом показали, что при хорошей предварительной сушке и постепенном нагреве керамика не трескается при любой температуре. То, что нужно!

Несмотря на мое нетерпение, я старался не торопиться и сделать все качественно. Неделя ничего не решала, поэтому к новой серии попыток я подготовился максимально тщательно. Работяги натаскали большую кучу красной глины и дров на место будущей плавки, которое я выбрал немного в стороне от лагеря. Лишние глаза мне были совершенно ни к чему. Из минералов, принесенных мне апачами, процентов семьдесят составляли медные руды, всего около двадцати – свинцовые и только одна десятая часть – оловянная.

Я сделал новый конус чуть больше прежнего, обложил его хорошо прокаленной глиной и подготовил приличное количество угля, который пришлось научиться пережигать под слоем дерна без доступа кислорода. Затем я раздробил руду до состояния кусочков менее одного сантиметра в диаметре. Перемешав подготовленные три килограмма рудного щебня с углем, я засыпал полученную смесь на вершину горящего конуса. Сверху я положил еще слой угля с тонкими сухими дровами и поставил махальщиков. По мере прогорания я подкладывал новое топливо и перемешивал старые горячие угли, поднимая опустившиеся слои кверху. Процесс длился весь день, то есть около двенадцати часов, после чего я в нетерпении залил печь водой и бросился смотреть результат.

От быстрого охлаждения с шипением поднялись вверх огромные паровозные клубы пара. Туземцы кинулись врассыпную. Тем лучше, – подумал я, – нечего считать процесс доступным простому смертному. Глина от охлаждения треснула, но меня не волновали подобные мелочи. На дне ямы, под слоем шлака, находился конусообразный медный слиток весом примерно в триста граммов. Он был сильно перемешан с золой, но вскоре выяснилось, что при холодной ковке золная примесь довольно легко отбивается. Металл выходил сносной чистоты. Я взял грязную медяшку и поцеловал. Это была полная победа! Можно начинать изучать кузнечное дело.

Глава 12

Из вновь полученного куска металла я изготовил еще один нож, подойдя к этому чрезвычайно старательно. Пока мои помощники дробили руду и выкладывали новую яму, я выковал вещь, гораздо больше напоминавшую кинжал, чем моя первая поделка. Получилась обоюдоострая пластина с максимально круглой ручкой, которую я смог сделать, обивая ее по периметру. Этот кинжал был торжественно подарен Тыкто в присутствии всего племени. Глаза вождя светились вселенским счастьем. Он, едва дыша, принял подарок так осторожно, словно получил стеклянного ежа. Мужчины племени в течение всего вечера подходили смотреть на огненный зуб, не решаясь потрогать его. Восхищенный Тыкто, казалось, источал гало.

Я понимал, что медь – это не лучший вариант для инструментов, уж больно она мягкая. Экспериментируя с подмешиванием олова и свинца, я получил бронзу. Даже с небольшими добавками металл выходил заметно прочнее и уже почти не ковался каменным молотком. Нужна была горячая ковка, то есть предварительный разогрев исходного материала. Две палки с вбитыми в их торцы медными лопатками вполне подошли в качестве первых щипцов. Затем они были заменены на более удобные – бронзовые, с гибкой перемычкой на основании. Я даже обзавелся веревочкой, подбирающей отросшие за это время волосы, и готов спорить, походил на мастера из древнерусских сказок.

Весь июнь я упражнялся в кузнечном деле, выплавив в общей сложности около трех килограммов меди и примерно килограмм бронзы. Долго терзаясь вопросом, стоит ли рассказывать кому-то технологию производства металла, я все же решил и взял себе в помощники Тома и еще одного смышленного парня из апачей. Вместе мы начали регулярное производство бронзовых вещей и инструментов. Первым делом я выковал еще один кинжал. Будет подарок Ыкате. Массовое изготовление подобных ножей я не планировал, пусть пока остаются чем-то уникальным. Но нож – вещь в хозяйстве незаменимая, поэтому были сделаны несколько заостренных пластинок для работы на кухне. Женщинам стало гораздо проще разделявать мясо и чистить рыбу. Но к металлическим инструментам допускались лишь три наиболее уважаемые хозяйки. Огромная привилегия, если учесть, что даже охотникам не полагались блестящие пластинки из камня Кавы.

Через три недели усердных попыток у нас получился первый топор. Отверстия в металле я делать пока не научился, поэтому лезвие по старинке было вставлено в расщелину дровка и для верности обмотано просмоленными веревками. Этот топорик пошел на смену разбитому об голову медведя кремневому оружию Тыкто. Подарок вышел великолепный. Вождь меня боготворил.

С развитием мастерства стоило подумать и о больших топорах, предназначенных для рубки деревьев. Мы все сильнее смещались от охоты в сторону производства, и для поддержания этого движения требовались инструменты.

Сидя около своей берлоги, я чертил палочкой на пыльной земле расклад трудовых резервов моего племени.

Из двенадцати взрослых воинов один погиб в схватке с медведем, двое были в командировке у апачей. Тыкто постоянно был около меня, еще восемь человек занимались силковой охотой и составляли наиболее боеспособную часть племени.

Что касается молодежи: трое помогали ставить силки, один был у Ыкаты, один следил за костром, один занимался воспитанием мальчиков, еще двое носили тяжелые бревна на дрова, помогая женщинам, еще двое гнали воздух над костром.

Пятеро мужчин из апачей были заняты на ловле рыбы, четверо были махальщиками, еще один помогал мне в кузнице. Чук и Гек с двумя соплеменниками были переведены с моря на сушу. Они освоили камнеметалку, хорошо ставили силки и, что примечательно, были более ловкими, чем мои.

На этом факте стоит остановиться подробнее. Все чаще апачи побеждали в «Олимпийских играх», вызывая плохо скрываемую злобу у моих аборигенов. Да и с топором подчиненные Ыкаты обращались куда искуснее, в то время как наши лучше бросали копье и камни. Надо было что-то делать с этим растущим социальным напряжением, так что я ввел новые дисциплины: метание копья и жим штанги лежа. Ситуация немного выровнялась.

Мальчишки помогали таскать дрова и глину, колотили молотками по руде, дробя ее, и делали всякую мелкую подсобную работу. Том, как я уже говорил, начал помогать мне в кузнице, и у него отлично получались небольшие детали вроде гвоздей или пластинок. Кстати, все дети обязательно проходили практику по мужским занятиям и боевому применению копья, топора, камнеметалки, постановке силков. Обучению языку детей я придавал особое значение. Они легче схватывали науку, и в какой-то момент я с удивлением заметил, что Том, в отличие от взрослых, иногда правильно меняет падежи и спрягает глаголы. Поэтому я старался выделять хотя бы полчаса в день для бесед с детьми, причем говорил с ними уже не коверкая слова.

В женской части трое работали на кухне, еще четверо – на лепке посуды и ее обжиге. Пятеро носили дрова, четверо плели веревки, еще двое обмолачивали крапиву и двое приносили ее из леса. Пара женщин следила за фермой, еще две – за маленькими детьми. Объединение малышей в своеобразный детский сад под присмотром двух воспитательниц высвободило нескольких тружениц, каждая из которых раньше нянчилась только со своим ребенком. Три женщины носили красную глину и мяли ее, остальные были на поздних сроках беременности или только родили и занимались уборкой да помощью на кухне и ферме. Все, включая двадцать человек из апачей, были полностью заняты.⁵

А в конце июня случилось еще одно радостное событие. Мои командированные в племя апачей поймали живую козу. Место ловли оказалось отменным, и за две недели было поймано еще пять женских особей. Мой загончик наконец наполнился блеянием.

Популяция зайцев, тем временем, достигла такой высокой численности, что можно было съесть одного ушастого каждый день, не опасаясь ее сокращения. Шкуры мы отдавали апачам, которые по образу моего пуховика принялись шить одежду на зиму. Оплата была стандартной – корзина еды в обмен на сшитое платье. С третьей попытки мне справили ботинки на толстой подошве из кожи крупного оленя, которые я мог носить без риска натереть мозоли. Апачам требовалось много веревок, и в определенный момент я ввел давальческую схему. Женщины из племени Ыкаты раз в неделю приносили большие снопы крапивы и в обмен получали канатики, нитки и бечеву для силков. Примерно вполовину от того, что можно было произвести из предоставленного сырья. Это позволило в какой-то момент отказаться от сбора своими силами и увеличить штат плетельщиц.

Мы стремительно развивали кузнечное дело. В результате стандартизации производства и совершенствования процесса получалось делать примерно полкилограмма бронзы каждые два дня, то есть примерно пятнадцать килограммов в месяц. Сделав несколько топоров с длинными ручками, мы получили возможность рубить толстые стволы, а с помощью маленьких топориков производить более сложные деревянные изделия. Например, новое древко, изготов-

---

⁵ Интересно было то, что через полгода из 100 % ВВП в области сельского хозяйства мы перешли в сферу производства на уровне около 30 % (медь, керамика, веревки) и 8 % услуги (готовка еды и уход за детьми). То есть доля сельхозработ упала почти до 60 %. Для сравнения – текущий ВВП России: сельское хозяйство 4,5 %, промышленность 36,9 %, сфера услуг 58,6 %. США: сельское хозяйство 1,2 %, промышленность 19,2 %, сфера услуг 79,6 %. Папуа-Новая Гвинея: сельское хозяйство 33 %, промышленность 37 %, услуги 30 %. Мне было куда стремиться.

ленное при помощи уже имевшегося топора, получалось куда как лучше и удобнее, чем отесанное кремневым инструментом. Из кузнеца я превращался в столяра. Были сделаны удобные носилки для носильщиков глины. В какой-то момент я даже сделал подобие шкафа для посуды с полками в три ряда и установил его в пещере. Но вершиной моих творений стал точильный камень! Большой кусок известняка мы обработали таким образом, что получилось почти ровное кольцо. После этого камень был помещен на деревянный постамент с бронзовой осью, обильно смазанной свиным жиром. Конец оси был загнут в рукоятку, которую вращал один туземец, а второй в это время точил топоры и ножи. Бронза являлась не самым крепким материалом, инструменты часто тупились, и хорошее точило было просто необходимо.

Глава 13

Мне катастрофически не хватало людей, поэтому пришлось снова отправиться к апачам. На этот раз я заявился с подарками, сделанными из камня Кавы. Кинжал из цельного куска металла и отполированный до блеска топорик с рукояткой, на которой вырезан орнамент, были торжественно вручены вождю в присутствии всего племени. Ыката настолько восхитился дарами, что немедленно отдал взамен трех женщин. Я поблагодарил и предложил еще одну сделку.

Наше племя дает апачам ножи для работы с мясом, иглы для шитья и топоры для рубки деревьев. Все – в качестве подарка. За это к нам командируют еще десять мужчин и десять женщин для работы. Причем труд будет оплачен. В ответ мы будем отправлять Ыкату одну корзину еды раз в день. При этом наше племя продолжает платить за руду с ценой уже три к одному, а также мы готовы обменивать одну живую козу на двойной эквивалент мяса.

Ыката безоговорочно принял условия – ведь он уменьшал число ртов в своем племени, при этом отданных работников мало того, что кормили, так они еще и зарабатывали корзину еды. Вскоре мы выковали ему необходимые инструменты, получив взамен людей.

Рыбная ловля стала заметно более эффективной – бронзовые крючки не ломались, как костяные, и прочнее держали рыбу. Добыча дров снова сделалась простым занятием, так как достаточно было свалить одно дерево около лагеря для обеспечения поленьями на несколько дней. Ковали мы теперь бронзовыми молотками, и я уже не проводил в кузнице столько времени, передав эту работу своим подмастерьям. Сборщики руды скоро получили заостренные молотки для долбления скал. На одну кирку, по моим подсчетам, пошло бы минимум килограмма три бронзы, что пока оставалось непозволительной роскошью.

Экономика эффективно работала на простейших безденежных принципах.

На участке плетения веревок у нас шла работа на «давальческом» сырье, когда производитель забирает часть принесенного материала в качестве оплаты.

У рыбаков была работа по принципу «оплаты продукцией». Работник получал часть того, что сделал, а так же был обеспечен питанием и инструментом.

Руда менялась и имела эквивалент по объему. В нашем случае в пропорции один к трем к еде.

С апачами были использованы такие экономические механизмы, как субсидии (предоставление бесплатных молотков для руды с целью увеличения выработки) и передача технологий (огонь, силки) для повышения работоспособности населения.

Несмотря на примитивность общества, в нем начинали зарождаться рыночные отношения, не сильно отличающиеся от сегодняшних. В роли универсальных денег выступала еда. Она всегда была востребованным и ликвидным товаром, поэтому я пока даже и не задумывался о выпуске металлических монет.

Теперь, когда появилось больше свободного времени, я решил усовершенствовать плавильную печь, что, как мне казалось, должно было повысить температуру и выход меди. Кроме того, у меня имелась еще одна дерзкая задумка, в реализацию которой я слабо верил, и поэтому не рассказывал никому, боясь сглазить.

Под новой печью выложили фундамент из камней, приподняв основание над землей сантиметров на двадцать. На нем соорудили сужающийся кверху круглый колодец, в диаметре примерно сто двадцать сантиметров и столько же в высоту. Размер колодца был таким, чтобы человек мог залезть в него и починить в случае появления трещин. Снаружи и внутри печь плотно обмазали глиной с целью предотвращения потерь тепла. На уровне примерно тридцати сантиметров от дна было проделано отверстие, в которое я планировал вставить меха.

Несмотря на кажущуюся простоту конструкции, которую все помнят из картинок с изображением кузницы, сразу сделать меха не получилось. Я сидел несколько часов, рисуя чертежи гвоздем на мокрой глине. Прикидывал необходимые детали. И, наконец, понял, что надо делать. Для начала мне потребовались плоские деревянные основания. И тут создание мехов уперлось в изобретение досок.

Однако проблема оказалась не такой уж неразрешимой. В попытках нарубить досочки из полена я пришел к простой и эффективной технологии, позволяющей расщеплять даже большие бревна. В дереве делались насечки в тех местах, где планировались расщепы. Затем в щели вставлялись деревянные клинья и легонько подбивались. Дерево начинало отслаиваться ровно по волокнам. Добавлялся еще один клин, потом следующий. Доски выходили хотя и не идеально гладкие, зато большие и прочные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.